

Текст приводится по изданию:

Марк Туллий Цицерон. РЕЧИ В ДВУХ ТОМАХ. Том первый (81-63 гг. до н.э.). Издание подготовили В. О. Горенштейн, М.Е. Грабарь-Пассек. Издательство Академии Наук СССР. Москва 1962.

Перевод В. О. Горенштейна

Марк Туллий Цицерон

## ПЕРВАЯ РЕЧЬ ПРОТИВ ЛУЦИЯ СЕРГИЯ КАТИЛИНЫ

[В сенате, в храме Юпитера Статора, 8 ноября 63 г.]



(I, 1) Доколе же ты, Катилина, будешь злоупотреблять нашим терпением? Как долго еще ты, в своем бешенстве, будешь издеваться над нами? До каких пределов ты будешь кичиться своей дерзостью, не знающей узды? Неужели тебя не встревожили ни ночные караулы на Палатине<sup>1</sup>, ни стража, обходящая город, ни страх, охвативший народ, ни присутствие всех честных людей, ни выбор этого столь надежно защищенного места для заседания сената<sup>2</sup>, ни лица и взоры всех присутствующих? Неужели ты не понимаешь, что твои намерения открыты? Не видишь, что твой заговор уже известен всем присутствующим и раскрыт? Кто из нас, по твоему мнению, не знает, что делал ты последней, что предыдущей ночью, где ты был, кого сзывал, какое решение принял? (2) О, времена! О, нравы<sup>3</sup>! Сенат все это понимает, консул видит, а этот человек все еще жив. Да разве только жив? Нет, даже приходит в сенат, участвует в обсуждении государственных дел, намечает и указывает своим взглядом тех из нас, кто должен быть убит, а мы, храбрые мужи, воображаем, что выполняем

свой долг перед государством, уклоняясь от его бешенства и увертываясь от его оружия. Казнить тебя, Катилина, уже давно следовало бы, по приказанию консула<sup>4</sup>, против тебя самого обратить губительный удар, который ты против всех нас уже давно подготавливаешь. (3) Ведь высокочтимый муж, верховный понтифик Публий Сципион<sup>5</sup>, будучи частным лицом, убил Тиберия Гракха, пытавшегося произвести лишь незначительные изменения в государственном строе, а Катилину, страстно стремящегося резней и поджогами весь мир превратить в пустыню, мы, консулы, будем терпеть? О событиях далекого прошлого я, пожалуй, говорить не буду — например, о том, что Гай Сервилий Агала своей рукой убил Спурия Мелия, стремившегося произвести государственный переворот<sup>6</sup>. Была, была некогда в нашем государстве доблесть, когда храбрые мужи были готовы подвергнуть гражданина, несущего погибель, более жестокой казни, чем та, которая предназначена для злейшего врага. Мы располагаем против тебя, Катилина, решительным и веским постановлением сената. Не изменяют государству ни мудрость, ни авторитет этого сословия; мы — говорю открыто — мы, консулы, изменяем ему.

(II, 4) Сенат, своим постановлением, некогда обязал консула Луция Опимия принять меры, дабы государство не понесло ущерба<sup>7</sup>. Не прошло и ночи — и был убит, вследствие одного лишь подозрения в подготовке мятежа, Гай Гракх, сын, внук и потомок знаменитых людей; был предан смерти, вместе со своими сыновьями, консуляр Марк Фульвий<sup>8</sup>. На основании такого же постановления сената, защита государства была вверена консулам Гаю Марию и Луцию Валерию<sup>9</sup>. Заставила ли себя ждать хотя бы один день смерть народного трибуна Луция Сатурнина и претора Гая Сервилия, вернее, кара, назначенная для них государством? А мы, вот уже двадцатый день<sup>10</sup>, спокойно смотрим, как притупляется острие полномочий сената. Правда, и мы располагаем таким постановлением сената, но оно таится в записях и подобно мечу, вложенному в ножны; на основании этого постановления сената, тебя, Катилина, следовало немедленно предать смерти, а между тем ты все еще живешь и живешь не для того, чтобы отречься от своей преступной отваги; нет, — чтобы укрепиться в ней. Хочу я, отцы-сенаторы, быть милосердным; не хочу, при таких великих испытаниях для государства, показаться безвольным; но я сам уже осуждаю себя за бездеятельность и трусость. (5) В самой Италии, на путях в Этрурию, устроен лагерь на погибель римскому народу; с каждым днем растет число врагов, а самого начальника этого лагеря, императора<sup>11</sup> и предводителя врагов, мы видим в своих стенах, более того — в сенате; изо дня в день готовит он изнутри гибель государству. Если я тотчас же велю тебя схватить, Катилина, если я велю тебя казнить, то мне, несомненно, придется бояться, что все честные люди признают мой поступок запоздалым, а не опасаться, что кто-нибудь назовет его слишком жестоким.

Но, что уже давно должно было быть сделано, я, имея на это веские основания, все еще не могу заставить себя привести в исполнение. Ты будешь казнен только тогда, когда уже не найдется ни одного столь бесчестного, столь низко падшего, столь подобного тебе человека, который не признал бы, что это совершенно законно. (6) Но пока есть хотя бы один человек, который осмелится

тебя защищать, ты будешь жить, но так, как живешь ныне, — окруженный моей многочисленной и надежной стражей, дабы у тебя не было ни малейшей возможности даже пальцем шевельнуть во вред государству. Более того, множество глаз и ушей будет — незаметно для тебя, как это было также и до сего времени, — за тобой наблюдать и следить.

(III) И в самом деле, чего еще ждешь ты, Катилина, когда ни ночь не может скрыть в своем мраке сборище нечестивцев, ни частный дом — удержать в своих стенах голоса участников твоего заговора, если все становится явным, все прорывается наружу? Поверь мне, уже пора тебе изменить свой образ мыслей; забудь о резне и поджогах. Ты окружен со всех сторон; света яснее нам все твои замыслы, которые ты можешь теперь обсудить вместе со мной. (7) Разве ты не помнишь, как за одиннадцать дней до ноябрьских календ я говорил в сенате, что в определенный день, а именно за пять дней до ноябрьских календ, возьмется за оружие Гай Манлий, твой приверженец и орудие твоей преступной отваги? Разве я ошибся, Катилина, не говорю уже — в том, что произойдет такое ужасное и невероятное событие, но также, — и это должно вызывать гораздо большее изумление, — в определении его срока? И я же сказал в сенате, что ты назначил резню оптиматов на день за четыре дня до ноябрьских календ — тогда, когда многие из первых наших граждан бежали из Рима не столько ради того, чтобы избежать опасности, сколько для того, чтобы не дать исполниться твоим замыслам. Можешь ли ты отрицать, что в тот самый день ты, окруженный со всех сторон моими отрядами, благодаря моей бдительности не смог ни шагу сделать против государства, но, по твоим словам, ввиду отъезда всех остальных<sup>12</sup> ты был бы вполне удовлетворен, если бы тебе удалось убить одного меня, коль скоро я остался в Риме? (8) А потом? Когда ты был уверен, что тебе в самые ноябрьские календы удастся ночью, одним натиском, захватить Пренесту<sup>13</sup>, не понял ли ты тогда, что колония эта, именно по моему приказанию, была обеспечена войсками, охраной, ночными дозорами? Ты ничего не можешь ни сделать, ни затеять, ни задумать без того, чтобы я об этом не услышал, более того — этого не увидел и ясно не ощутил.

(IV) Припомни же, наконец, вместе со мной события достопамятной позапрошлой ночи и ты сразу поймешь, что я с гораздо большим усердием неусыпно охраняю благополучие государства, чем ты готовишь ему гибель. Я утверждаю, что ты в эту ночь пришел на улицу Серповщиков — буду говорить напрямик — в дом Марка Леки<sup>14</sup>; там же собралось множество соучастников этого безрассудного преступления. Смеешь ли ты отпираться? Что ж ты молчишь? Докажу, если вздумаешь отрицать. Ведь я вижу, что здесь, в сенате, присутствует кое-кто из тех, которые были вместе с тобой. (9) О, бессмертные боги! В какой стране мы находимся? Что за государство у нас? В каком городе мы живем? Здесь, здесь, среди нас, отцы-сенаторы, в этом священнейшем и достойнейшем собрании, равного которому в мире нет, находятся люди, помышляющие о нашей всеобщей гибели, об уничтожении этого вот города, более того, об уничтожении всего мира! И я, консул, вижу их здесь, даже предлагаю им высказать свое мнение о положении государства и все еще не решаюсь уязвить словами людей, которых следовало бы истребить мечом.

Итак, ты был у Леки в эту ночь, Катилина! Ты разделил на части Италию<sup>15</sup>, ты указал, кому куда следовало выехать; ты выбрал тех, кого следовало оставить в Риме, и тех, кого следовало взять с собой; ты распределил между своими сообщниками кварталы Рима, предназначенные для поджога, подтвердил, что ты сам в ближайшее время выедешь из города, но сказал: что ты все же еще не надолго задержишься, так как я еще жив. Нашлись двое римских всадников, выразивших желание избавить тебя от этой заботы и обещавших тебе в ту же ночь, перед рассветом, убить меня в моей постели<sup>16</sup>. (10) Обо всем этом я узнал, как только было распущено ваше собрание<sup>17</sup>. Дом свой я надежно защитил, усилив стражу; не допустил к себе тех, кого ты ранним утром прислал ко мне с приветствиями<sup>18</sup>; впрочем, ведь пришли как раз те люди, чей приход — и притом именно в это время — я уже заранее предсказал многим виднейшим мужам.

(V) Теперь, Катилина, продолжай идти тем путем, каким ты пошел; покинь, наконец, Рим; ворота открыты настежь, уезжай. Слишком уж долго ждет тебя, императора, твой славный Манлиев лагерь. Возьми с собой и всех своих сторонников; хотя бы не от всех, но от возможно большего числа их очисти Рим. Ты избавишь меня от сильного страха, как только мы будем отделены друг от друга городской стеной. Находиться среди нас ты уже больше не можешь; я этого не потерплю, не позволю, не допущу. (11) Великую благодарность следует воздать бессмертным богам и, в частности, этому вот Юпитеру Статору<sup>19</sup>, древнейшему стражу нашего города, за то, что мы уже столько раз были избавлены от столь отвратительной язвы, столь ужасной и столь пагубной для государства. Отныне благополучию государства не должна уже угрожать опасность от одного человека. Пока ты, Катилина, строил козни мне, избранному консулу, я защищался от тебя не с помощью официально предоставленной мне охраны, а принимая свои меры предосторожности. Но когда ты, во время последних комиций по выбору консулов, хотел меня, консула, и своих соискателей убить на поле<sup>20</sup>, я пресек твою нечестивую попытку, найдя защиту в лице многочисленных друзей, не объявляя, однако, чрезвычайного положения<sup>21</sup> официально. Словом, сколько раз ни пытался ты нанести мне удар, я отражал его сам, хотя и понимал, что моя гибель была бы большим несчастьем для государства. (12) Но теперь ты уже открыто хочешь нанести удар государству в целом; уже и храмы бессмертных богов, городские дома, всех граждан, всю Италию обрекаешь ты на уничтожение и гибель. Поэтому, коль скоро я все еще не решаюсь совершить то, что является моей первой обязанностью и на что дает мне право предоставленный мне империй<sup>22</sup> и заветы наших предков, я прибегну к каре более мягкой, но более полезной для всеобщего спасения. Если я прикажу тебя казнить, то остальные люди из шайки заговорщиков в государстве уцелеют; но если ты, к чему я уже давно тебя склоняю, уедешь, то из Рима будут удалены обильные и зловредные подонки государства в лице твоих приверженцев<sup>23</sup>. (13) Что же, Катилина? Неужели же ты колеблешься сделать, по моему приказанию, то, что ты был готов сделать добровольно? Консул велит врагу<sup>24</sup> удалиться из Рима. Ты спрашиваешь меня — неужели в изгнание? Я тебе не велю, но, раз ты меня спрашиваешь, советую так поступить.

(VI) И в самом деле, Катилина, что еще может радовать тебя в этом городе, где, кроме твоих заговорщиков, пропащих людей, не найдется никого, кто бы тебя не боялся, кто бы не чувствовал к тебе ненависти? Есть ли позорное клеймо, которым твоя семейная жизнь не была бы отмечена? Каким только бесстыдством не ославил ты себя в своей частной жизни? Каким только непристойным зрелищем не осквернил ты своих глаз, каким деянием — своих рук, какой гнусностью — всего своего тела? Найдется ли юнец, перед которым бы ты, чтобы заманить его в сети и совратить, не нес кинжала на пути к преступлению или же факела на пути к разврату<sup>25</sup>? (14) Разве недавно, когда ты, смертью своей первой жены, приготовил свой опустевший дом для нового брака, ты не добавил к этому злодеянию еще другого, невообразимого<sup>26</sup>? Не стану о нем говорить, — пусть лучше о нем молчат — дабы не казалось, что в нашем государстве такое чудовищное преступление могло произойти или же остаться безнаказанным<sup>27</sup>. Не буду говорить о твоём полном разорении, всю тяжесть которого ты почувствуешь в ближайшие иды<sup>28</sup>. Перехожу к тому, что относится не к твоей позорной и порочной частной жизни, не к твоим семейным бедствиям и бесчестию, а к высшим интересам государства, к нашему существованию и всеобщему благополучию.

(15) Неужели тебе, Катилина, может быть мил этот вот свет солнца или воздух под этим небом, когда каждому из присутствующих, как ты знаешь, известно, что ты, в консульство Лепида и Тулла<sup>29</sup>, в канун январских календ стоял на комиции<sup>30</sup> с оружием в руках; что ты, с целью убийства консулов и первых граждан, собрал большую шайку и что твое безумное злодеяние было предотвращено не твоими собственными соображениями и не страхом, а Фортуной римского народа? Я и об этом не стану распространяться; ибо это ни для кого не тайна, а ты и впоследствии совершил немало преступлений. Сколько раз покушался ты на мою жизнь, пока я был избранным консулом, сколько раз — во время моего консульства! От скольких твоих нападений, рассчитанных так, что, казалось, не было возможности их избежать, я спасся, как говорится, лишь чуть-чуть отклонившись в сторону! Ничего тебе не удастся, ничего ты не достигаешь, но все-таки не отказываешься от своих попыток и стремлений. (16) Сколько раз уже вырывали кинжал у тебя из рук! Сколько раз он случайно выскальзывал у тебя из рук и падал на землю! Не знаю, во время каких таинств, каким обетом ты посвятил его богам<sup>31</sup>, раз ты считаешь необходимым вонзить его именно в грудь консула.

(VII) А теперь какова твоя жизнь? Ведь я теперь буду говорить с тобой так, словно мной движет не ненависть, что было бы моим долгом, а сострадание, на которое ты не имеешь никакого права. Ты только что явился в сенат. Кто среди этого многочисленного собрания, среди стольких твоих друзей и близких приветствовал тебя? Ведь этого — с незапамятных времен — не случилось ни с кем; и ты еще ждешь оскорбительных слов, когда само это молчание — уничтожающий приговор! А то, что после твоего прихода твоя скамья опустела, что все консуляры, которых ты в прошлом не раз обрекал на убийство, пересели, оставив незанятыми скамьи той стороны, где сел ты? Как ты можешь это терпеть?

(17) Если бы мои рабы боялись меня так, как тебя боятся все твои сограждане, то я, клянусь Геркулесом, предпочел бы покинуть свой дом<sup>32</sup>. А ты не считаешь нужным покинуть Рим? И если бы я видел, что я — пусть даже незаслуженно — навлек на себя такое тяжкое подозрение и неприязнь сограждан, то я отказался бы от общения с ними, только бы не чувствовать ненависти в их взглядах. Ты же, зная за собой свои злодеяния и признавая всеобщую ненависть справедливой и давно уже заслуженной, еще колеблешься, бежать ли тебе от взоров и от общества тех людей, чьи умы и чувства страдают от твоего присутствия? Если бы твои родители боялись и ненавидели тебя и если бы тебе никак не удавалось смягчить их, ты, мне думается, скрылся бы куда-нибудь с их глаз. Но теперь отчизна, наша общая мать, тебя ненавидит, боится и уверена, что ты уже давно не помышляешь ни о чем другом, кроме отцеубийства<sup>33</sup>. И ты не склонился перед ее решением, не подчинишься ее приговору, не испугаешься ее могущества? (18). Она так обращается к тебе, Катилина, и своим молчанием словно говорит: "Не было в течение ряда лет ни одного преступления, которого не совершил ты; не было гнусности, учиненной без твоего участия; ты один безнаказанно и беспрепятственно убивал многих граждан<sup>34</sup>, притеснял и разорял наших союзников; ты оказался в силах не только пренебрегать законами и правосудием, но также уничтожать их и попираешь. Прежние твои преступления, хотя они и были невыносимы, я все же терпела, как могла; но теперь то, что я вся охвачена страхом из-за тебя одного, что при малейшем лязге оружия я испытываю страх перед Катилиной, что каждый замысел, направленный против меня, кажется мне порожденным твоей преступностью, — все это нестерпимо. Поэтому удались и избавь меня от этого страха; если он справедлив, — чтобы мне не погибнуть; если он ложен, — чтобы мне, наконец, перестать бояться". (VIII, 19) Если бы отчизна говорила с тобой так, неужели ты не должен был бы повиноваться ей, даже если бы она не могла применить силу?

А то, что ты сам предложил взять тебя под стражу, что ты, дабы избежать подозрения, заявил о своем желании жить в доме у Мания Лепида<sup>35</sup>? Не принятый им, ты даже ко мне осмелился явиться и меня попросил держать тебя в моем доме. Получив и от меня ответ, что я никак не могу чувствовать себя в безопасности, находясь с тобой под одним кровом, потому что подвергаюсь большой опасности, уже находясь с тобой в одних и тех же городских стенах, ты пришел к претору Квинту Метеллу; отвергнутый им, ты переселился к своему сотоварищу, отличнейшему человеку, Марку Метеллу<sup>36</sup>, которого ты, очевидно, считал крайне исполнительным в деле охраны, в высшей степени проникательным в его подозрениях и непоколебимым при наказании. Итак, долго ли до тюрьмы и оков тому, кто уже сам признал себя заслуживающим заключения под стражу? (20) И при таких обстоятельствах, Катилина, ты, если у тебя нет сил спокойно покончить с жизнью, еще не знаешь, стоит ли тебе уехать в какую-либо страну и жизнь свою, которую ты спасешь от множества мучений, вполне тобой заслуженных, влачить в изгнании и одиночестве?

"Доложи, — говоришь ты, — об этом сенату". Ведь ты этого требуешь и выражаешь готовность, если это сословие осудит тебя на изгнание, ему повиноваться. Нет, я докладывать не буду — это против моих правил — и все-

таки заставлю тебя понять, что думают о тебе присутствующие. Уезжай из Рима, Катилина; избавь государство от страха; в изгнание — если ты именно этого слова ждешь от меня — отправляйся. Что же теперь? Ты еще чего-то ждешь? Разве ты не замечаешь молчания присутствующих? Они терпят, молчат. К чему ждать тебе их приговора, если их воля ясно выражена их молчанием? (21) Ведь если бы я сказал это же самое присутствующему здесь достойнейшему молодому человеку, Публию Сестию<sup>37</sup>, или же храбрейшему мужу, Марку Марцеллу<sup>38</sup>, то сенат в этом же храме, с полным правом, на меня, консула, поднял бы руку. Но когда дело идет о тебе, Катилина, то сенаторы, оставаясь безучастными, одобряют; слушая, выносят решение; храня молчание, громко говорят, и так поступают не только эти вот люди, чей авторитет ты, по-видимому, высоко ценишь, но чью жизнь не ставишь ни во что, но также и вон те римские всадники, глубоко почитаемые и честнейшие мужи, и другие храбрейшие граждане, стоящие вокруг этого храма; ведь ты мог видеть, сколь они многочисленны, почувствовать их рвение, а недавно и услышать их возгласы. Мне уже давно едва удается удержать их от вооруженной расправы с тобой, но я с легкостью подвигну их на то, чтобы они — в случае, если ты будешь оставлять Рим, который ты уже давно стремишься уничтожить, — проводили тебя до самых ворот<sup>39</sup>.

(IX, 22) Впрочем, к чему я это говорю? Разве возможно, чтобы тебя что-либо сломило? Чтобы ты когда-либо исправился, помыслил о бегстве, подумал об изгнании? О, если бы бессмертные боги внушили тебе это намерение! Впрочем, я понимаю, какая страшная буря ненависти — в случае, если ты, уstraшенный моими словами, решишь удалиться в изгнание — угрожает мне если не в настоящее время, когда память о твоих злодеяниях еще свежа, то, во всяком случае, в будущем. Но пусть будет так, только бы это несчастье обрушилось на меня одного и не грозило опасностью государству! Однако требовать от тебя, чтобы тебя привели в ужас твои собственные пороки, чтобы ты побоялся законной кары, чтобы ты подумал об опасном положении государства, не приходится. Не таков ты, Катилина, чтобы совесть удержала тебя от подлости, страх — от опасных действий или же здравый смысл — от безумия. (23) Итак, — говорю это уже не в первый раз — уезжай, причем, если ты, как ты заявляешь, хочешь разжечь ненависть ко мне, своему недругу, то уезжай прямо в изгнание. Тяжко будет мне терпеть людскую молву, если ты так поступишь; тяжело будет мне выдерживать лавину этой ненависти, если ты уедешь в изгнание по повелению консула. Но если ты, напротив, предпочитаешь меня возвеличить и прославить, то покинь Рим вместе с наглой шайкой преступников, отправляйся к Манлию и призови пропащих граждан к мятежу, порви с честными людьми, объяви войну отчизне, предайся нечестивому разбою, дабы казалось, что ты выехал из Рима не изгнанный мною к чужим, но приглашенный к своим.

(24) А впрочем, зачем мне тебе это предлагать, когда ты — как я знаю — уже послал вперед людей<sup>40</sup>, чтобы они с оружием в руках встретили тебя вблизи Аврелиева Форума<sup>41</sup>; когда ты — как я знаю — назначил определенный день для встречи с Манлием; более того, когда ты даже того серебряного орла<sup>42</sup>, который, я уверен, губительным и роковым окажется именно для тебя самого и для всех

твоих сторонников<sup>43</sup> и для которого у тебя в доме была устроена нечестивая божница, когда ты этого самого орла, как я знаю, уже послал вперед? Как ты сможешь и долее обходиться без него, когда ты не раз возносил к нему моления, отправляясь на резню, и после прикосновения к его алтарю твоя нечестивая рука так часто переходила к убийству граждан?

(X, 25) И вот, ты, наконец, отправишься туда, куда твоя необузданная и бешеная страсть уже давно тебя увлекает. Ведь это не только не удручает тебя, но даже доставляет тебе какое-то невыразимое наслаждение. Для этого безрассудства тебя природа породила, твоя воля воспитала, судьба сохранила. Никогда не желал ты, не говорю уже — мира, нет, даже войны, если только эта война не была преступной. Ты набрал себе отряд из бесчестного сброда пропащих людей, потерявших не только все свое достояние, но также и всякую надежду. (26) Какую радость будешь ты испытывать, находясь среди них, какому ликованию предаваться! Какое наслаждение опьянит тебя, когда ты среди своих столь многочисленных сторонников не услышишь и не увидишь ни одного честного человека! Ведь именно для такого образа жизни ты и придумал свои знаменитые лишения — лежать на голой земле не только, чтобы насладиться беззаконной страстью, но и чтобы совершить злодеяние; бодрствовать, злоумышляя не только против спящих мужей, но и против мирных богатых людей. У тебя есть возможность блеснуть своей хваленой способностью переносить голод, холод, всяческие лишения<sup>44</sup>, которыми ты вскоре будешь сломлен. (27) Отняв у тебя возможность быть избранным в консулы, я, во всяком случае, достиг одного: как изгнанник ты можешь покушаться на государственный строй, но как консул<sup>45</sup> ниспровергнуть его не можешь, — твои злодейские действия будут названы разбоем, а не войной.

(XI) Теперь, отцы-сенаторы, дабы я мог решительно отвести от себя почти справедливую, надо сказать, жалобу отчизны, прошу вас внимательно выслушать меня с тем, чтобы мои слова глубоко запали вам в душу и в сознание. В самом деле, если отчизна, которая мне гораздо дороже жизни, если вся Италия, все государство мне скажут: "Марк Туллий, что ты делаешь? Неужели тому, кого ты разоблачил как врага, в ком ты видишь будущего предводителя мятежа, кого, как ты знаешь, как императора ожидают во вражеском лагере — зачинщику злодейства, главарю заговора, вербовщику рабов и граждан губителю ты позволишь удалиться, так что он будет казаться не выпущенным тобой из Рима, а впущенным тобой в Рим? Неужели ты не повелишь заключить его в тюрьму, повлечь на смерть, предать мучительной казни? (28) Что, скажи, останавливает тебя? Уж не заветы ли предков? Но ведь в нашем государстве далеко не редко даже частные лица карали смертью граждан, несших ему погубитель. Или существующие законы о казни, касающиеся римских граждан?<sup>46</sup> Но ведь в нашем городе люди, изменившие государству, никогда не сохраняли своих гражданских прав. Или ты боишься ненависти потомков? Поистине прекрасно воздашь ты благодарность римскому народу, который тебя, человека, известного только личными заслугами и не порученного ему предками<sup>47</sup>, так рано<sup>48</sup> вознес по ступеням всех почетных должностей к высшей власти, если ты, боясь ненависти и страшась какой-то опасности, пренебрежешь благополучием своих



сограждан. (29) Но если в какой-то мере и следует опасаться ненависти, то разве ненависть за проявленную суровость и мужество страшнее, чем ненависть за слабость и трусость? Когда война начнет опустошать Италию, когда будут рушиться города, пылать дома, что же, тогда, по-твоему, не сожжет тебя пламя ненависти?" (XII) Отвечу коротко на эти священные слова государства и на мысли людей, разделяющих эти взгляды. Да, отцы-сенаторы, если бы я считал наилучшим решением покарать Катилину смертью, я этому гладиатору и часа не дал бы прожить. И в самом деле, если выдающиеся мужи и самые известные граждане не только не запятнали себя, но даже прославились, пролив кровь Сатурнина, Гракхов и Флакка<sup>49</sup>, а также многих предшественников их, то мне, конечно, нечего было бояться, что казнь этого братоубийцы, истребляющего граждан, навлечет на меня ненависть грядущих поколений. Как бы ни была сильна эта угроза, я все же всегда буду убежден в том, что ненависть, порожденную доблестью, следует считать не ненавистью, а славой.

(30) Впрочем, кое-кто в этом сословии либо не видит того, что угрожает нам, либо закрывает глаза на то, что видит. Люди эти снисходительностью своей обнадеживали Катилину, а своим недоверчивым отношением благоприятствовали росту заговора при его зарождении. Опираясь на их авторитет, многие не только бесчестные, но просто неискушенные люди — в случае, если бы я Катилину покарал, — назвали бы мой поступок жестоким и свойственным разве только царю<sup>50</sup>. Но теперь я полагаю, что если Катилина доберется до лагеря Манлия, в который он стремится, то никто не будет столь глуп, чтобы не увидеть ясно, что заговор действительно существует, и никто — столь бесчестен, чтобы это отрицать. Я понимаю, что, казнив одного только Катилину, можно на некоторое время ослабить эту моровую болезнь в государстве, но навсегда уничтожить ее нельзя. Если же он сам удалится в изгнание, уведет с собой своих приверженцев и захватит с собой также и прочие подонки, им отовсюду собранные, то будут окончательно уничтожены не только эта, уже застарелая болезнь государства, но также и корень и зародыш всяческих зол. (XIII, 31) И в самом деле, отцы-сенаторы, ведь мы уже давно живем среди опасностей и козней, связанных с этим заговором, но почему-то все злодейства, давнишнее бешенство и преступная отвага созрели и вырвались наружу именно во время моего консульства. Если из такого множества разбойников будет устранен один только Катилина, то нам, пожалуй, на какое-то короткое время может показаться, что мы избавлены от тревоги и страха; но опасность останется и будет скрыта глубоко в жилах и теле государства. Часто люди, страдающие тяжелой болезнью и мечущиеся в бреду, если выпьют ледяной воды, вначале чувствуют облегчение, но затем им становится гораздо хуже; так и эта болезнь, которой страдает государство, ослабевшая после наказания Катилины, усилится еще более, если остальные преступники уцелеют.

(32) Поэтому пусть удалятся бесчестные; пусть они отделятся от честных, соберутся в одно место; наконец, пусть их, как я уже не раз говорил, от нас отделит городская стена. Пусть они перестанут покушаться на жизнь консула у него в доме, стоять вокруг трибунала городского претора<sup>51</sup>, осаждать с мечами в руках курию, готовить зажигательные стрелы и факелы для поджога Рима; пусть,

наконец, на лице у каждого будет написано, что он думает о положении государства. Заверяю вас, отцы-сенаторы, мы, консулы, проявим такую бдительность, вы — такой авторитет, римские всадники — такое мужество, все честные люди — такую сплоченность, что после отъезда Катилины все замыслы его вы увидите раскрытыми, разоблаченными, подавленными и понесшими должную кару.

(33) При этих предзнаменованиях, Катилина, на благо государству, на беду и на несчастье себе, на погибель тем, кого с тобой соединили всяческие братоубийственные преступления, отправляйся на нечестивую и преступную войну. А ты, Юпитер<sup>52</sup>, чью статую Ромул воздвиг при тех же авспициях, при каких основал этот вот город, ты, которого мы справедливо называем оплотом нашего города и державы, отразишь удар Катилины и его сообщников от своих и от других храмов, от домов и стен Рима, от жизни и достояния всех граждан; а недругов всех честных людей, врагов отчизны, опустошителей Италии, объединившихся в злодейском союзе и нечестивом сообществе, ты обречешь — живых и мертвых — на вечные муки.

## ПРИМЕЧАНИЯ

### ПЕРВАЯ РЕЧЬ ПРОТИВ ЛУЦИЯ СЕРГИЯ КАТИЛИНЫ.

1. При наличии опасности Палатинский холм, имевший военное значение, охранялся особенно тщательно. См. Саллюстий, "Катилина", 30, 7.
2. Сенат собирался в Гостилиевой курии или в одном из храмов. Храм Юпитера Статора находился у подошвы Палатинского холма.
3. Ср. речи 3, § 56; 17, § 137.
4. На основании *senatus consultum ultimum* консулы обладали в это время чрезвычайными полномочиями, правом жизни и смерти.
5. В 133 г. консуляр *Публий Сципион Насика Серацион* поднял сторонников нобилитета против Тиберия Гракха.
6. В 439 г., во время голода, *Спурий Мелий* стал продавать народу хлеб по дешевой цене; он был заподозрен в стремлении к царской власти. Не явившись для ответа по вызову диктатора Цинцинната, он был убит его помощником Гаем Сервилием Структом Агалой. Ср. речи 17, § 86; 22, § 8, 83; 26, § 26 сл.; письма Att., II, 22, 4 (LI); XIII, 40, 1 (DCLXIV).
7. Консул 121 г. *Луций Оппимий*, действуя на основании *senatus consultum ultimum*, подавил движение Гая Гракха. Гай Гракх был внуком Публия Корнелия Сципиона Африканского (Старшего).
8. *Марк Фульвий Флакк*, соратник Гая Гракха, консул 125 г., народный трибун 122 г., хотел предоставить гражданские права всем италикам.
9. В 100 г. для действий против Сатурнина и Главции. См. речь 8, § 20.
10. Точнее, 18-й день; т.е. с 21 октября.
11. Об императоре см. прим. 70 к речи 1. Здесь ирония.
12. Одни уехали из страха, другие, чтобы не быть скомпрометированными.
13. *Пренеста* — город в 24 милях к юго-востоку от Рима. О колонии см. прим. 68 к речи 4.

14. *Марк Порций Лека* принадлежал к одному из лучших родов Рима. Ср. речь 14, § 6; Саллюстий, "Катилина", 17.
15. Т.е. наметил очаги восстания.
16. Это были Гай Корнелий и Луций Варгунтей. Ср. речь 14, § 18, 52; Саллюстий, "Катилина", 28, 1.
17. Цицерон был извещен некоей Фульвией. См. Саллюстий, "Катилина", 23, 3 сл.
18. *Salutatio* — утреннее посещение влиятельного лица его друзьями и клиентами. Ср. речь 14, § 73; Квинт Цицерон, письмо *Comment. petit.*, 34 (XII).
19. Речь произнесена в храме Юпитера Статора.
20. *Марсово поле*, где собирались центуриатские комиции.
21. См. прим. 59 к речи 3.
22. Об империи см. прим. 90 к речи 1. Здесь имеются в виду полномочия на основании *senatus consultum ultimum*.
23. Ср. речи 7, § 70; 10, § 7; письмо *Att.*, I, 19, 4 (XXV); Саллюстий, "Катилина", 37, 5.
24. *Hostis publicus*, т.е. государственный преступник.
25. Улицы Рима не освещались; рабы несли факелы перед своими господами.
26. Молва обвиняла Катилину в убийстве сына. Ср. речь 6, § 27 сл.; Саллюстий, "Катилина", 15, 2.
27. См. прим. 49 к речи 1.
28. Обычным сроком уплаты долгов были календы, крайним — иды, после чего была неизбежна утрата заложенного имущества.
29. *Маний Эмилий Лепид* и *Луций Волкаций Тулл* были консулами в 66 г. Консулы приступали к своим обязанностям 1 января. Речь идет о покушении на избранных на 65 г. консулов Луция Аврелия Котту и Луция Мания Торквата. Ношение оружия в городе Риме не разрешалось. Канун январских календ — 29 декабря.
30. О комиции см. прим. 151 к речи 4.
31. Нож, применявшийся при жертвоприношении, посвящался божеству, как и оружие, которым было совершено политическое убийство. См. Тацит, "Анналы", XV, 74.
32. Цицерон не всегда проявлял такую мягкость по отношению к рабам. Ср. речь 12, § 12.
33. См. прим. 34 к речи 1.
34. См. Квинт Цицерон, письмо *Comment. petit.*, 9 сл. (XII).
35. *Маний Эмилий Лепид*, консул 66 г., был одним из противников Катилины.
36. *Квинт Цецилий Метелл Целер* был претором в 63 г., консулом в 60 г. О Марке Метелле сведения недостаточны.
37. *Публий Сестий* в январе 62 г. участвовал в сражении против Катилины под Писторией; в 57 г. как трибун способствовал возвращению Цицерона из изгнания. См. речь 18.
38. *Марк Клавдий Марцелл*, консул 51 г., впоследствии помпеянец. См. речь 23; письма *Fam.*, IV, 8 (CCCCLXXXVI); 7 (CCCCLXXXVII); 9 (CCCCLXXXVIII); 11; (CCCCXCIII); 12 (DCXVIII); IX, 10 (DXL).
39. Когда магистраты выезжали из Рима, их друзья и клиенты провожали их до городских ворот. Здесь ирония.
40. Это могло быть решено во время собрания заговорщиков у Марка Леки. См. выше, § 9.
41. Городок *Аврелиев Форум* лежал у Аврелиевой дороги, которая вела в сторону Фезул, где находился Гай Манлий с войском.
42. По преданию, этот *серебряный орел* (знак легиона) был у Марии во время войны с кимврами. См. Саллюстий, "Катилина", 59, 3.
43. О сторонниках Катилины см. речь 10, § 17 сл.
44. Ср. речь 19, § 12 сл.
45. В подлиннике игра слов: *exsul* (изгнанник) — *consul*.
46. По законам Валериеву, Порциевым и Семпрониеву вынести смертный приговор римскому гражданину могли только центуриатские комиции.
47. Цицерон был "новым человеком". См. прим. 83 к речи 3.

48. Цицерон достиг государственных должностей "в свой год". См. прим. 63 к речи 5.

49. *Тиберий Гракх* был убит в 133 г., *Гай Гракх* и *Марк Фульвий Флакк* — в 121 г., *Луций Анпулей Сатурнин* — в 100 г.

50. См. прим. 31 к речи 2.

51. Дела о долгах рассматривались городским претором. В 63 г. им был Луций Валерий Флакк.

52. Храм Юпитера Статора ("Останавливающего бегущие войска") был освящен в 294 г.

## ВТОРАЯ РЕЧЬ ПРОТИВ ЛУЦИЯ СЕРГИЯ КАТИЛИНЫ

[На форуме, 9 ноября 63 г.]

(I, 1) На этот раз, квириды, Луция Катилину, безумствующего в своей преступности, злодейством дышащего, гибель отчизны нечестиво замышляющего, мечом и пламенем вам и этому городу угрожающего, мы, наконец, из Рима изгнали или, если угодно, выпустили, или, пожалуй, при его добровольном отъезде проводили напутственным словом. Он ушел, удалился, бежал, вырвался. Этот выродок, это чудовище уже не будет внутри городских стен готовить гибель этим самым стенам. И этого главаря междоусобной войны мы, бесспорно, победили. Уже не будет угрожать нашей груди этот кинжал; ни на поле, ни на форуме, ни в курии, ни, наконец, в своем собственном доме<sup>1</sup> не будем мы трепетать в страхе. С позиции сбита<sup>2</sup> он тем, что удален из Рима. Теперь нам уже никто не помешает по всем правилам вести войну с врагом. Без всякого сомнения, мы уже погубили его и одержали над ним блестящую победу, заставив его от тайных козней перейти к открытому разбою. (2) А тем, что он не обнажил своего окровавленного меча, как хотел, тем, что он удалился, а мы остались живы, тем, что мы вырвали оружие у него из рук, что граждане остались невредимыми, а город целым, — скажите, насколько должен он быть всем этим убит и удручен. Лежит он теперь поверженный, квириды, и чувствует себя пораженным и отброшенным и, конечно, то и дело оборачиваясь, бросает

взгляды на этот город, вырванный, к его прискорбию, у него из пасти; а Рим, как я полагаю, радуется тому, что изверг и выбросил вон эту пагубу.

(II, 3) Но если кто-нибудь, придерживаясь такого образа мыслей, какого вам всем следовало бы держаться, станет укорять меня именно за тот мой поступок, который побуждает меня теперь выступать с речью ликующей и торжествующей, — за то, что такого смертельного врага я отпустил вместо того, чтобы схватить его, — то это вина не моя, квириды, а обстоятельств. Предать Луция Катилину смерти и подвергнуть его жесточайшей казни следовало уже давно, этого от меня требовали и заветы наших предков, и суровость моего империя<sup>3</sup>, и положение государства. Но сколько — как вы думаете — было людей, не склонных верить в справедливость моих обвинений? Сколько было таких, которые даже защищали Катилину? [Сколько было таких, которые, по своей недалекости, его не считали врагом; сколько было таких, которые, по своей бесчестности, ему сочувствовали?] Если бы я полагал, что я, уничтожив его, избавлю вас от всякой опасности, то я уже давно уничтожил бы Луция Катилину, рискуя, не говорю уже — навлечь на себя ненависть, но даже поплатиться жизнью. (4) Но я понимал, что если я, пока даже не все вы убеждены в его невиновности, покараю его смертью, как он этого заслужил, то вызову против себя ненависть и уже не смогу преследовать его сообщников; поэтому я и довел дело до нынешнего положения, дабы вы могли открыто бороться с ним, воочию видя в нем врага. Сколь страшным считаю я этого врага, находящегося уже вне пределов города, квириды, вы можете понять из того, что я огорчен даже тем, что он покинул Рим с небольшим числом спутников. О, если б он увел с собой все свои войска! Тонгилия, видите ли, которым он прельстился, когда тот еще носил претексту<sup>4</sup>, он с собой увел, а также Публиция и Минуция; за ними осталось по харчевням немало долгов, но это никак не могло вызвать волнений в государстве. Но каких людей он оставил здесь! Какими долгами обременены они! Сколь они влиятельны, сколь знатны!

(III, 5) Поэтому, сравнивая его войско с нашими легионами, находящимися в Галлии, с войсками, набранными Квинтом Метеллом<sup>5</sup> в Пиценской и Галльской областях<sup>6</sup>, и с теми военными силами, которые мы снаряжаем изо дня в день, я отношусь к этому войску с полным презрением; ведь оно собрано из стариков<sup>7</sup>, которым уже терять нечего, из деревенщины, склонной к мотовству, из поселян, любителей тратить деньги, из людей, которые предпочли не являться в суд<sup>8</sup>, а вступить в его войско. Если я им покажу, не говорю уже — наше войско в боевом строю, нет, хотя бы эдикт претора, они рухнут наземь. Что же касается этих вот людей, которые, я вижу, снуют по форуму, стоят перед курией и даже приходят в сенат, которые умашены благовониями, щеголяют в пурпурной одежде, то я предпочел бы, чтобы Катилина увел их с собой как своих солдат; коль скоро они остаются здесь, нам — помните это — следует страшиться не столько его войска, сколько этих людей, покинувших его войско. При этом их надо бояться еще потому, что они, хотя и понимают, что я знаю их помыслы, все же ничуть этим не обеспокоены. (6) Знаю я, кому при дележе досталась Апулия, кто получил Этрурию, кто Пиценскую, кто Галльскую область<sup>9</sup>, кто потребовал для себя права остаться в засаде в Риме с целью резни и поджогов. Они

понимают, что все планы, составленные позапрошлой ночью, мне сообщены; вчера я раскрыл их в сенате. Сам Катилина испугался и спасся бегством. А они чего ждут? Как бы им не ошибиться в надежде на то, что моя былая мягкость останется неизменной.

(IV) Той цели, какую я себе поставил, я уже достиг; вы все видите, что заговор против государства устроен открыто; ведь едва ли кто-нибудь из вас предполагает, что люди, подобные Катилине, не разделяют его взглядов. Теперь уже мягкость неуместна; суровости требуют сами обстоятельства. Но одну уступку я готов сделать даже теперь: пусть они удалятся, пусть уезжают; не допускать же им, чтобы несчастный Катилина чах от тоски по ним. Путь я им укажу: он выехал по Аврелиевой дороге; если они захотят поторопиться, к вечеру догонят его<sup>10</sup>. (7) О, какое счастье будет для государства, если только оно извергнет эти подонки Рима! Мне кажется, клянусь Геркулесом, что государство, избавившись даже от одного только Катилины, свободно вздохнуло и вернуло себе силы. Можно ли представить или вообразить себе какое-либо зло или преступление, какого бы не придумал он? Найдется ли во всей Италии отравитель, гладиатор, убийца, братоубийца, поддельватель завещаний, злостный обманщик, кутила, мот, прелюбодей, беспутная женщина, развратитель юношества, испорченный или пропащий человек, которые бы не сознались, что их связывали с Катилиной тесные дружеские отношения? Какое убийство совершено за последние годы без его участия, какое нечестивое прелюбодеяние — не при его посредстве? (8) Далее, — кто когда-либо обладал такой способностью завлекать юношей, какой обладает он? Ведь к одним он сам испытывал постыдное влечение, для других служил орудием позорнейшей похоти, третьим сулил удовлетворение их страстей, четвертым — смерть их родителей, причем он не только подстрекал их, но даже помогал им. А теперь? С какой быстротой собрал он огромные толпы пропащих людей не только из города Рима, но и из деревень! Не было человека, не говорю уже — в Риме, даже в любом закоулке во всей Италии, который, запутавшись в долгах, не был бы вовлечен им в этот небывалый союз злодейства.

(V, 9) А чтобы вы могли ознакомиться с его различными наклонностями, столь непохожими одна на другую<sup>11</sup>, я скажу, что в школе гладиаторов не найдется ни одного человека с преступными стремлениями, который бы не объявил себя близким другом Катилины; в театре нет ни одного низкого и распутного актера<sup>12</sup>, который бы, по его словам, не был чуть ли не его товарищем. Постоянно предаваясь распутству и совершая злодеяния, он привык переносить холод, голод и жажду и не спать по ночам, и именно за эти качества весь этот сброд превозносил его как храбреца, между тем он тратил силы своего тела и духа на разврат и преступления. (10) Если спутники Катилины последуют за ним, если удалятся из Рима преступные шайки людей, которым нечего терять, то какая это будет для нас радость, какое счастье для государства, как прославится мое консульство! Ибо безмерны преступные страсти этих людей; нет, это уже не люди, и дерзость их нестерпима! Они не помышляют ни о чем другом, кроме резни, поджогов и грабежей. Свое родовое имущество они промотали и свои имения заложили давно, но распутство, каким они отличались

в дни своего богатства, у них остается неизменным. Если бы они, пьянствуя и играя в кости, не искали ничего другого, кроме пирушек и общества распутниц, то, будучи, конечно, людьми пропащими, они все же были бы еще терпимы; но можно ли мириться с тем, что бездельники злоумышляют против храбрейших мужей, безумцы — против умнейших, пьяные — против трезвых, неисправимые лентяи — против бдительных? Возлежа на пирушках, они, обняв бесстыдных женщин, упившись вином, объевшись, украсившись венками, умастившись благовониями, ослабев от разврата, грозят истребить честных людей и поджечь города. (11) Я убежден, что им не уйти от их судьбы и что кара, уже давно заслуженная ими за их бесчестность, подлость, преступления и разврат, над ними уже нависла или, во всяком случае, уже близка. Если мое консульство, не будучи в состоянии их исправить, их уничтожит, оно укрепит государство не на какой-нибудь краткий срок, а на многие века. Ведь нет народа, которого бы мы боялись, нет царя, который бы мог объявить войну римскому народу; за рубежом, на суше и на море, все умиротворено мужеством одного человека<sup>13</sup>; остается междоусобная война, внутри государства строятся козни, изнутри нам грозит опасность, внутри находится враг. С развращенностью, с безрассудством, с преступностью должны мы вести борьбу, и полководцем в этой войне обязуюсь быть я, квириды! Вражду этих пропащих людей я принимаю на себя; что поддастся исправлению, буду лечить, чем только смогу; а что надо будет отсечь, того я не оставлю на погибель государству. Итак, пусть они либо удалятся из Рима, либо сидят смирно, либо — если они останутся в Риме, но от своих намерений не откажутся — пусть ожидают того, чего заслуживают.

(VI, 12) Но все еще находятся люди, квириды, которые все-таки говорят, что Катилина мной изгнан. Если бы я мог добиться этого одним своим словом, я изгнал бы именно тех, кто это болтает. Катилина, этот робкий или, лучше, скромнейший человек, не мог, видимо, вынести голоса консула: как только ему велели удалиться в изгнание, он повиновался. Вчера, после того как меня чуть не убили в моем собственном доме, я созвал сенат в храме Юпитера Статора и доложил отцам-сенаторам о положении государства. Туда пришел Катилина. Кто из сенаторов заговорил с ним, кто приветствовал его, кто, наконец, своим взглядом не осудил его, как негодного гражданина, более того — как опаснейшего врага? Мало того, первые люди в этом сословии даже пересели с тех скамей, к которым он подошел, и оставили их незанятыми. (13) Тогда я, рьяный консул, одним словом своим посылающий граждан в изгнание, спросил Катилину, участвовал ли он в ночном сборище в доме у Марка Леки или не участвовал. Когда он, при всей своей наглости, сначала промолчал, сознавая свою преступность, я разоблачил другие его поступки. Что делал он в ту ночь, что назначил он на прошлую ночь, как был разработан план всего мятежа, — все я изложил. Он медлил, был смущен. Тогда я спросил, почему он не решается отправиться туда, куда уже давно собирается, коль скоро туда, как мне известно, уже послано оружие, секиры, ликторские связки, трубы, военные знаки<sup>14</sup>, тот знаменитый серебряный орел, для хранения которого он даже устроил божницу в своем доме<sup>15</sup>. (14) Значит, это я заставил удалиться в изгнание того, кто, как я видел, уже вступил на путь войны? Следовательно, этот центурион Манлий,

ставший лагерем под Фезулами, конечно, от своего имени объявил войну римскому народу, и этот лагерь ныне не ждет Катилины в качестве полководца, а он, изгнанник, направляется в Массилию<sup>16</sup>, как говорят, а не в этот лагерь.

(VII) О, сколь жалко положение того, кто, не говорю уже — управляет государством, но даже спасает его! Если теперь Луций Катилина, которого я, своей бдительностью, своими трудами, подвергаясь опасностям, окружил и лишил возможности действовать, внезапно испугается, изменит свои намерения, покинет своих сторонников, откажется от своего замысла начать войну и, сойдя с этого пути преступной войны, обратится в бегство и направится в изгнание, то не будут говорить, что я отнял у него оружие, приготовленное им для дерзостного преступления, привел его в замешательство и устроил своей бдительностью, что я отнял у него надежды и пресек его попытки, а скажут, что он, не будучи ни осужден, ни виновен, был изгнан консулом, применившим силу и угрозы; и если он поступит так, еще найдутся люди, склонные считать его не бесчестным, но несчастным человеком, а меня не бдительнейшим консулом, но жесточайшим тиранном<sup>17</sup>! (15) Я готов, квириды, выдержать эту бурю незаслуженной и несправедливой ненависти, лишь бы только избавить вас от опасности этой ужасной и преступной войны. Пожалуй, пусть говорят, что он был мной выслан, лишь бы он удалился в изгнание. Но не уйдет он в изгнание, поверьте мне. Ради того только, чтобы утихла ненависть ко мне, я никогда не стану, квириды, просить бессмертных богов о том, чтобы до вас дошла весть, что Катилина взялся за оружие и ведет на вас вражеское войско; но через три дня вы об этом услышите. Гораздо больше боюсь я другого: меня когда-нибудь могут упрекнуть в том, что я выпустил его из Рима, а не изгнал. Но если теперь находятся люди, утверждающие, что он изгнан, — хотя он уехал добровольно, — то что стали бы говорить они, будь он казнен? (16) Впрочем, те, которые твердят, что Катилина держит путь в Массилию, не столько на это сетуют, сколько этого опасаются. Ни один из них не жалостлив в такой степени, чтобы пожелать ему отправиться в Массилию, а не к Манлию<sup>18</sup>. А сам он, клянусь Геркулесом, даже если бы он заранее не обдумал того, что будет делать, все же предпочел бы быть казнен как разбойник, а не жить как изгнанник. Но теперь, коль скоро с ним до сего времени не случилось ничего, что не совпало бы с его желанием и замыслами, — кроме того, что он уехал из Рима, оставив меня живым, — пожелаем лучше, чтобы он отправился в изгнание, вместо того, чтобы нам на это сетовать.

(VIII, 17) Но почему мы столько времени толкуем об одном враге и притом о таком, который уже открыто признает себя врагом и которого я не боюсь, так как нас отделяет от него городская стена, — чего я всегда хотел, — а о тех людях, которые скрывают свою вражду, остаются в Риме и находятся среди нас, не говорим ничего? Именно их, если только это возможно, я стараюсь не столько покарать, сколько излечить ради них самих, примирить с государством и не вижу причины, почему бы это не было возможно, если только они согласятся меня выслушать. Итак, я изложу вам, квириды, какого рода люди составляют войска Катилины; затем, если смогу, попытаюсь каждого из них излечить советами и уговорами.



(18) Одни из них — это люди, при своих больших долгах, все же обладающие еще более значительными владениями, привязанность к которым никак не дает им возможности выпутаться из этого положения<sup>19</sup>. По внешнему виду, они — люди почтенные (ведь они богаты), но их стремления и притязания совершенно бесстыдны. И вы, имея в избытке земли, дома, серебряную утварь, рабов, разное имущество, не решаетесь расстаться с частью своей собственности и вернуть себе всеобщее доверие? Чего вы ждете? Войны? А дальше? Не думаете ли вы, что, когда все рухнет, именно ваши владения останутся священными и неприкосновенными? Или вы ждете введения новых долговых записей<sup>20</sup>? Заблуждаются люди, ожидающие их от Катилины. Нет, мной будут выставлены новые записи, но только насчет продажи с аукциона; ведь люди, обладающие собственностью, не могут привести свои дела в порядок никаким другим способом. Если бы они захотели это сделать более своевременно, вместо того, чтобы покрывать проценты доходами со своих имений, — что крайне неразумно, — они и сами были бы богаче, а как граждане полезнее для государства. Но именно этих людей, по моему мнению, менее всего следует страшиться, так как их либо возможно переубедить, либо они, если и останутся верны себе, мне кажется, скорее будут посылать государству проклятия, чем возьмутся за оружие против него.

(IX, 19) Другие, хотя они и обременены долгами, все же рассчитывают достигнуть власти, хотят стать во главе государства и думают, что почетных должностей, на которые им нечего рассчитывать при спокойствии в государстве, они смогут добиться, вызвав в нем смуту. Им следует дать такое же наставление, какое, очевидно, следует дать и всем другим: пусть откажутся от надежды, что они добьются того, чего пытаются добиться. Прежде всего, я сам бдителен, твердо стою на своем посту и на страже государства. Затем, великим мужеством воодушевлены все честные мужи, велико согласие между ними, [огромна их численность,] велики, кроме того, и наши военные силы. Наконец, и бессмертные боги придут на помощь нашему непобедимому народу, прославленной державе и прекрасному городу в их борьбе против столь страшного преступления. Но даже если вообразить себе, что эти люди уже достигли того, к чему они стремятся в своем неистовом бешенстве, то неужели они надеются на пепле Рима и на крови граждан — а ведь именно этого пожелали они своим преступным и нечестивым умом — сделаться консулами и диктаторами, вернее, даже царями? Разве они не понимают, что, даже если они и достигнут того, чего желают, им все-таки неминуемо придется уступить все это какому-нибудь беглому рабу или гладиатору<sup>21</sup>?

(20) Третьи — люди уже преклонного возраста, но испытанные и сильные; из их среды вышел Манлий, которого сменяет теперь Катилина. Это люди из колоний, учрежденных Суллой. Я знаю, что колонии эти, по большей части, заселены честнейшими гражданами и храбрейшими мужами, но все же это те колонии, которые, нежданно-негаданно получив имущество, жили чересчур пышно и не по средствам. Они возводят такие постройки, словно обладают несметными богатствами; их радует устройство образцовых имений, множество челяди, великолепные пирушки, и поэтому они запутались в таких значительных

долгах, что им, если бы они захотели с ними разделаться, пришлось бы вызвать из царства мертвых самого Суллу. Они даже подали кое-кому из сельских жителей, бедным и неимущим людям, надежду на такие же грабежи, какие происходили в прошлом. И тех и других людей я отношу к одному и тому же разряду грабителей и расхитителей имущества, но советую им перестать безумствовать и помышлять о проскрипциях и диктатурах. Ведь от тех времен в сердцах наших граждан сохранилась такая жгучая боль, что всего этого, мне думается, теперь не вытерпят, не говорю уже — люди, нет, даже скот<sup>22</sup>.

(X, 21) Четвертые — это множество людей крайне разнообразного, смешанного и пестрого состава. Они уже давно испытывают затруднения и никогда уже не смогут встать на ноги; отчасти по лености, отчасти вследствие дурного ведения ими своих дел, отчасти также и из-за своей расточительности они по уши в старых долгах; они измучены обязательствами о явке в суд, судебными делами, описью имущества; очень многие из них, — и из города Рима и из сел — по слухам, направляются в тот лагерь. Вот они-то, по моему мнению, не столько спешат в бой, сколько медлят с уплатой долгов<sup>23</sup>. Пусть эти люди, раз они не могут устоять на ногах, погибнут возможно скорее, но так, чтобы этого не почувствовало, уже не говорю — государство, нет — даже их ближайшие соседи. Ибо я не понимаю одного: если они не могут жить честно, то почему они хотят погибнуть с позором, вернее, почему они считают гибель вместе с многими другими людьми менее мучительной, чем гибель в одиночестве?

(22) Пятые — это братоубийцы<sup>24</sup>, головорезы, наконец, всякие преступники; их я не пытаюсь отвлечь от Катилины, да их и невозможно оторвать от него. Пусть же погибнут они, занимаясь разбоем, так как их столько, что тюрьма<sup>25</sup> вместить их не может.

Перейду к последнему роду людей — последнему не только по счету, но и по их характеру и образу жизни; это — самые близкие Катилине люди, его избранники, более того, его любимцы и наперсники; вы видите их, тщательно причесанных, вылощенных, либо безбородых, либо с холеными бородками, в туниках с рукавами и до пят<sup>26</sup>, закутанных в целые паруса, вместо тог. Все их рвение и способность бодрствовать по ночам обнаруживаются ими только на пирушках до рассвета. (23) В этой своре находятся все игроки, все развратники, все грязные и бесстыдные люди. Эти изящные и изнеженные мальчишки обучены не только любить и удовлетворять любовные страсти, плясать и петь, но и кинжалы в ход пускать и подсыпать яды. Если они не покинут Рим, если они не погибнут, то — знайте это — даже в случае гибели самого Катилины в нашем государстве останется этот рассадник Катилин. И на что рассчитывают эти жалкие люди? Неужели они думают повезти с собой в лагерь своих бабенок? Но как смогут они без них обойтись, особенно в эти ночи? И как они перенесут пребывание на Апеннине с его стужей и снегами? Или они, быть может, думают, что им потому будет легче переносить зимнюю стужу, что они научились плясать нагими во время пирушек?

(XI, 24) О, как должна страшить нас эта война, когда у Катилины будет эта преторская когорта<sup>27</sup> из блудников и блудниц! Выстройте же теперь в боевом

порядке, квириты, против столь славных сил Катилины свои гарнизоны и войска и, прежде всего, против этого истрепанного и израненного гладиатора выставьте своих консулов и императоров; затем, против этой шайки отверженного и жалкого отребья двиньте цвет и опору всей Италии. Право, даже города в наших колониях и муниципиях могут помериться силами с Катилиной, укрывающимся на лесистых холмах<sup>28</sup>. Мне, конечно, нет надобности сопоставлять ваши остальные богатые средства снабжения, ваше снаряжение и гарнизоны с бессильным и необеспеченным войском этого пресловутого разбойника. (25) Но если мы, даже не говоря обо всем том, чем располагаем мы и чего Катилина лишен, — я имею в виду сенат, римских всадников, город Рим, эрарий, государственные доходы, всю Италию, все провинции, чужеземные народы — если мы, не говоря обо всем этом, захотим сравнить наше дело с его делом (ведь они вступают в борьбу, одно с другим), то мы сможем понять, как низко пали наши противники. Ведь на нашей стороне сражается чувство чести, на той — наглость; здесь — стыдливость, там — разврат; здесь — верность, там — обман; здесь — доблесть, там — преступление; здесь — непоколебимость, там — неистовство; здесь — честное имя, там — позор; здесь — сдержанность, там — распущенность; словом, справедливость, умеренность, храбрость, благоразумие, все доблести борются с несправедливостью, развращенностью, ленью, безрассудством, всяческими пороками; наконец, изобилие сражается с нищетой, порядочность — с подлостью, разум — с безумием, наконец, добрые надежды — с полной безнадежностью. Неужели при таком столкновении, вернее, в такой битве сами бессмертные боги не даруют этим прославленным доблестям победы над столькими и столь тяжкими пороками?

(XII, 26) При этих обстоятельствах, квириты, сами защищайте свои дома, неся ночные караулы и охрану, как и до сей поры. Я, со своей стороны, позаботился и принял все меры, чтобы обеспечить город надежной охраной, не вызывая чувства тревоги у вас и не объявляя чрезвычайного положения<sup>29</sup>. Всем колонам и вашим землякам из муниципиев, извещенным мной об этом поспешном ночном отъезде Катилины, будет легко защитить свои города и земли. Гладиаторы, на которых он рассчитывал как на свой надежнейший отряд, — хотя они и похрабрее, чем часть наших патрициев, — все же будут в нашей власти. Квинт Метелл, которого я, предвидя эти события, заранее послал в Галльскую и Пиценскую области, либо разобьет Катилину, либо воспрепятствует передвижению его сил и его действиям. Об остальных мерах, которые понадобится принять, ускорить, осуществить, я доложу сенату, который я, как видите, созываю.

(27) Что же касается людей, которые застряли в Риме или, вернее, были оставлены Катилиной на погибель Риму и всем вам в городе, то я, хотя это и враги, все же, коль скоро они родились гражданами, хочу настоятельно предостеречь их. Я при своей мягкости, которая до сего времени кое-кому могла показаться слабостью, ждал только, чтобы вырвалось наружу то, что оставалось скрытым. Но отныне я уже не могу забыть, что здесь моя отчизна, что я — консул этих вот людей, что мой долг — либо вместе с ними жить, либо за них умереть. У городских ворот нет сторожей, на дороге нет засад. Если кто-нибудь

захочет уехать, я могу на это закрыть глаза. Но тот, кто в Риме хотя бы чуть-чуть шевельнется, тот, за кем я замечу, не говорю уже — какое-либо действие, но даже стремление или попытку действовать во вред отчизне, поймет, что в этом городе есть бдительные консулы, есть достойные должностные лица, есть стойкий сенат, что в нем есть оружие, есть тюрьма, которая, по воле наших предков, карает за нечестивые преступления, когда они раскрыты.

(XIII, 28) И все эти меры будут проведены так, чтобы величайшие угрозы были устранены при ничтожнейших потрясениях, огромные опасности — без объявления чрезвычайного положения, чтобы междоусобная и внутренняя война, жесточайшая и величайшая из всех, какие помнят люди, была закончена мной одним, единственным полководцем и императором, носящим тогу<sup>30</sup>. Я буду так руководить этим, квириты, чтобы — если только это окажется возможным — даже бесчестный человек не понес кары за свое преступление в стенах этого города. Но если какой-либо открытый дерзостный поступок, если опасность, грозящая нашей отчизне, заставят меня по необходимости отказаться от моей душевной мягкости, то я непременно добьюсь того, на что при такой трудной войне, среди стольких козней, едва ли можно надеяться: ни один честный человек не погибнет, и кара, которой подвергнутся немногие, принесет спасение всем вам. (29) Обещаю это вам, квириты, полагаясь не на свою пронизательность и не на человеческую мудрость, а на многочисленные и притом несомненные знамения бессмертных богов. Ведь ими руководясь, я и возымел эту надежду и принял это решение. Уже не издали, как это некогда бывало, и не от внешнего врага, находящегося далеко от нас, защищают они свои храмы и дома Рима; нет, они защищают их, находясь здесь, изъявлением своей воли и своей помощью. Им должны вы молиться, их почитать и умолять о том, чтобы этот город, по их воле ставший самым прекрасным, самым счастливым и самым могущественным, они после побед, одержанных нами на суше и на море над силами всех наших врагов<sup>31</sup>, защитили от нечестивого злодеяния преступнейших граждан.

## ПРИМЕЧАНИЯ

### ВТОРАЯ РЕЧЬ ПРОТИВ ЛУЦИЯ СЕРГИЯ КАТИЛИНЫ.

1. Ср. речь 9, § 9 сл., 15, 32.
2. Выражение гладиаторов. Подобные выражения как метафоры часты у Цицерона.
3. Чрезвычайные полномочия в силу *senatus consultum ultimum*.
4. Речь идет о молодом развратнике. О претексте см. прим. 96 к речи 1.
5. См. письмо Fam., V, 1, 2 (XIII).
6. О *Пиценской области* см. прим. 29 к речи 8, о *Галльской* — прим. 16 к речи 6.
7. Имеются в виду ветераны Суллы; ср. Саллюстий, "Катилина", 16, 4. Сулла наделил землей около 120 000 ветеранов, устроив колонии, главным образом, в Этрурии и Самнии.
8. Неявка в суд по делу о неуплате долга влекла за собой опись имущества и утрату залога. Присоединение к войску Катилины было равносильно удалению в изгнание.
9. Ср. речь 9, § 9.
10. *Аврелиева дорога* была менее прямой, чем Кассиева, но Катилина, видимо, хотел, чтобы думали, что он поехал в Массилию, а не в Этрурию.
11. Ср. речь 19, § 12 сл.

12. Ремесло актера презиралось в Риме и было несовместимо, например, с принадлежностью к всадническому сословию. См. письмо Fam., X, 32, 2 (DCCCXCV).
13. Гней Помпей.
14. Над войсками, составленными из римских граждан, мог начальствовать только магистрат, облеченный империем. Поэтому Катилина и присвоил себе эти знаки. См. Саллюстий, "Катилина", 36, 1.
15. См. речь 9, § 24.
16. Катилина писал друзьям, что уезжает в *Массилию*, обычное место изгнания. См. Саллюстий, "Катилина", 34, 2.
17. Ср. речь 9, § 30; см. прим. 31 к речи 2.
18. Так как Катилину, по мнению Цицерона, могло спасти только изгнание.
19. Ср. речь 14, § 59.
20. Имеется в виду кассация долгов и составление новых долговых книг (*tabulae novae*). См. Саллюстий, "Катилина", 21, 2.
21. Ср. Саллюстий, "Катилина", 39, 4.
22. Ср. Цицерон, письмо Att., I, 16, 6 (XXII).
23. В подлиннике *infirmitates lentis*, т.е. люди, склонные уклоняться от военной службы и от уплаты долгов.
24. См. прим. 34 к речи 1.
25. *Мамертинская тюрьма* в Риме имела две подземные камеры, расположенные одна над другой; в нижней (*Tullianum*) осужденных казнили (удавливали). См. Саллюстий, "Катилина", 55, 3.
26. Холеную бородку в Риме носили щеголи. См. письмо Att., I, 14, 5 (XX). Тунику до пят с рукавами носили женщины. Носить такую тунику было недостойным мужчины.
27. О *преторской когorte* см. прим. 91 к речи 3.
28. Цицерон хочет сказать, что Катилина способен только на удары из засады.
29. См. прим. 59 к речи 3.
30. См. прим. 96 к речи 1.
31. Имеются в виду победы Помпея.

## ТРЕТЬЯ РЕЧЬ ПРОТИВ ЛУЦИЯ СЕРГИЯ КАТИЛИНЫ

[На форуме, вечером 3 декабря 63 г.]

(I, 1) Государство, ваша жизнь, имущество и достояние, ваши жены и дети, квириды, и этот оплот прославленной державы — богатейший и прекрасный город сегодня, по великому благоволению бессмертных богов, моими трудами и разумными решениями, а также ценой опасностей, которым я подвергался, у вас на глазах, как видите, спасены от огня и меча, можно сказать, вырваны из пасти рока, сохранены и возвращены вам. (2) И если дни нашего избавления нам не менее приятны и радостны, чем день нашего рождения, так как спасение приносит несомненную радость, а рождение обрекает нас на неизвестное будущее, так как мы рождаемся, не сознавая этого, а избавляясь от опасности, испытываем радость, то, коль скоро мы с благоговением превознесли того, кто этот город основал, и причислили его к бессмертным богам, вы и потомки ваши, конечно, должны оказать почет тому, кто этот же город, уже основанный и разросшийся, спас. Ибо факелы, грозившие пожаром всему Риму, его храмам, святилищам, домам и городским стенам, которые окружают его со всех сторон,

мы потушили, удары мечей, обнаженных против государства, отразили, а их клинки, направленные вам в грудь, оттолкнули.

(3) Так как в сенате все это мной уже разъяснено, раскрыто и установлено, то я изложу это вам вкратце, дабы вы, находившиеся до сего времени в неведении и ожидании, могли ныне узнать, сколь важно и сколь очевидно все происшедшее и каким путем я напал на след и все обнаружил.

Итак, как только Катилина немного дней назад<sup>1</sup> бежал из Рима, оставив в городе своих соучастников в преступлении, рьяных полководцев в этой нечестивой войне, я непрестанно бодрствовал и принимал меры предосторожности, чтобы вы могли уцелеть, несмотря на столь страшные и столь глубоко затаенные козни. (II) Когда я пытался изгнать Катилину из Рима (ведь я уже не боюсь, что это слово вызовет ненависть против меня; скорее меня могут осудить за то, что он ушел живым), итак, когда я хотел удалить его из нашего города, я думал, что вместе с ним уйдет также и остальная шайка заговорщиков или же что оставшиеся будут без него бессильны и слабы. (4) Но как только я увидел, что именно те люди, которые, по моим сведениям, были воспламенены преступным безумием, остались в Риме среди нас, я стал день и ночь наблюдать за ними, чтобы выследить их и раскрыть их действия и замыслы и чтобы — коль скоро вы могли, ввиду невероятной тяжести их преступления, отнестись к моим словам недоверчиво — захватить преступников с поличным; ведь только когда вы воочию увидите самое злодейство, вы примете меры в защиту своей жизни. И вот, как только я узнал, что Публий Лентул<sup>2</sup>, желая вызвать войну в заальпийских странах и взбунтовать галлов, подстрекает послов аллоброгов, что их отправляют в Галлию к их согражданам, дав им письма и поручения, по тому же пути, который ведет к Катилине, а их спутником будет Тит Вольтурций<sup>3</sup>, с которым также посылают письма к Катилине, я решил, что мне представился случай выполнить труднейшую задачу, которую я всегда просил у бессмертных богов, — раскрыть все преступление так, чтобы оно стало явным не только для меня, но также для сената и для вас.

(5) Поэтому я вчера призвал к себе преторов Луция Флакка<sup>4</sup> и Гая Помптина<sup>5</sup>, мужей храбрейших и преданнейших государству. Я изложил им все обстоятельства и объяснил им, что нам следует делать. Они как честные граждане, одушевленные великой любовью к государству, без колебаний и промедления взялись за дело и, когда стало вечереть, тайком подошли к Мульвиеву мосту<sup>6</sup> и расположились в ближайших усадьбах по обеим сторонам Тибра и моста. Туда же и они сами, не вызвав ни у кого подозрения, привели многих храбрых людей, да и я послал из Реатинской префектуры<sup>7</sup> вооруженный мечами отряд отборных молодых людей, к помощи которых я всегда прибегаю при защите государства. (6) Тем временем, к концу третьей стражи<sup>8</sup>, когда послы аллоброгов вместе с Вольтурцием и со своей многочисленной свитой уже вступили на Мульвиев мост, на них было совершено нападение; обе стороны обнажили мечи. Одни только преторы знали, в чем дело; прочие были в неведении. (III) Затем подоспели Помптин и Флакк и прекратили схватку. Все письма, какие только оказались у свиты, с неповрежденными печатями<sup>9</sup> были переданы преторам; самих послов задержали и на рассвете привели ко мне. Я

тотчас же велел позвать самого бесчестного зачинщика всех этих преступлений — Кимвра Габиния, еще ничего не подозревавшего; затем был вызван также Луций Статилий, а после него — Цетег. Позже всех пришел Лентул, мне думается, потому, что он, занятый составлением писем, вопреки своему обыкновению, не спал всю прошлую ночь<sup>10</sup>.

(7) Хотя виднейшие и прославленные мужи из числа наших сограждан, при первом же известии о случившемся собравшиеся в большом числе у меня в доме рано утром, советовали мне вскрыть письма до того, как я доложу о них сенату, чтобы — в случае, если в них не будет найдено ничего существенного, — не оказалось, что я необдуманно вызвал такую сильную тревогу среди граждан, я ответил, что не считаю возможным представить государственному совету улики насчет опасности, угрожающей государству, иначе, как только в нетронutom виде. И в самом деле, квириты, даже если бы то, о чем мне сообщили, не было раскрыто, все же, по моему мнению, при такой большой угрозе существованию государства, мне не следовало бы опасаться, что бдительность с моей стороны покажется чрезмерной. Как вы видели, я быстро созвал сенат в полном составе.

(8) Кроме того, по совету аллоброгов, я тут же послал претора Гая Сульпиция, храброго мужа, забрать из дома Цетега оружие, если оно там окажется; он изъясил много кинжалов и мечей.

(IV) Я велел ввести Вольтурция без галлов. По решению сената я заверил его в неприкосновенности<sup>11</sup> и предложил ему дать без всякого страха показания обо всем, что знает. С трудом победив свой сильный страх, он сказал, что получил от Публия Лентула письма и поручения к Катилине: Катилина должен прибегнуть к помощи рабов и возможно скорее двинуться с войском на Рим; последнее — с тем, чтобы, после того как они подожгут город со всех сторон, как это было заранее указано каждому, и перебьют бесчисленное множество граждан, он оказался на месте и мог перехватывать беглецов и соединиться с вожаками, оставшимися в городе. (9) Галлы, когда их ввели, сказали, что Публий Лентул, Цетег и Статилий дали им клятвенное обещание и письма к их племени, причем сами они и Луций Кассий велели галлам послать конницу в Италию возможно скорее; пехоты у них самих хватит. Лентул, по словам галлов, утверждал, что на основании предсказаний Сивиллы<sup>12</sup> и ответов гаруспиков<sup>13</sup> он — тот третий Корнелий, которому должны достаться царская власть и империй в этом городе: до него ими обладали Цинна и Сулла. При этом он сказал, что нынешний год — роковой и принесет гибель нашему городу и державе, так как это десятый год после оправдания дев-весталок<sup>14</sup>, а после пожара Капитолия — двадцатый<sup>15</sup>. (10) Наконец, они сообщили о разногласиях между Цетегом и прочими заговорщиками: Лентул и другие считали нужным устроить резню и поджечь город в Сатурналии<sup>16</sup>, Цетегу же этот срок казался слишком долгим.

(V) Буду краток, квириты: я велел подать дощечки с письмами, которые, как говорили галлы, были им вручены каждым из заговорщиков. Сначала я показал Цетегу печать; он ее признал за свою. Я разрезал нить и прочитал письмо: он собственноручно писал сенату аллоброгов и народу, что сделает то, в чем он ранее заверил их послов; он просит, чтобы и они выполнили обязательства, данные ему их послами. Тогда Цетег, который незадолго до того все-таки

пытался дать какие-то объяснения насчет мечей и кинжалов, найденных у него в доме, и говорил, что всегда был любителем хороших клинков, после прочтения писем смутился и, мучимый совестью, вдруг замолчал. Статилий, когда его ввели, признал свою печать и свою руку. Было прочитано его письмо почти такого же содержания, как и письмо Цетега; он сознался. Затем я показал письмо Лентулу и спросил его, узнает ли он печать; он подтвердил это кивком головы. "Это, — говорю я, — несомненно, всем хорошо знакомая печать, изображение твоего деда<sup>17</sup>, прославленного мужа, горячо любившего отечество и своих сограждан; уже одно оно, хотя и немое, должно было бы удержать тебя от такого преступления". (11) Было прочитано его письмо к сенату аллоброгов, такого же содержания. Я дал ему возможность сказать по этому поводу, что он найдет нужным. Сперва он отказался; но через некоторое время, когда все показания были изложены и прочитаны, он встал и спросил галлов, какие же дела могли быть у него с ними и зачем они приходили к нему на дом. Об этом же он спросил и Вольтурция. Когда же они коротко и твердо ответили, кто их к нему приводил и сколько раз, и спросили его, не говорил ли он им о предсказаниях Сивиллы, то он внезапно, обезумев в преступном неистовстве, доказал нам, как могущественна совесть; ибо, хотя он и мог это отрицать, он внезапно, вопреки всеобщему ожиданию, сознался. Таким образом, ему изменили не только его способности и находчивость в речах, в чем он всегда был силен; нет, его ужасное преступление было столь явно и очевидно, что ему изменило даже его бесстыдство, которым он превосходил всех, даже его бесчестность. (12) Вольтурций же вдруг велел принести и вскрыть письмо, которое, по его словам, Лентул дал ему к Катилине. Тут уже Лентул окончательно растерялся, но все-таки признал и печать и свою руку. Письмо было безымянное, но гласило: "Кто я, узнаешь от человека, которого я к тебе посылаю; будь мужем и обдумай, как далеко ты зашел; решай, что тебе теперь делать; обеспечь себе всеобщую поддержку, даже со стороны людей самого низкого положения"<sup>18</sup>. Затем ввели Габиния; вначале он отвечал нагло, но под конец не стал уже ничего отрицать из того, в чем его обвиняли галлы. (13) Что касается меня лично, квириты, то, сколь ни убедительны были все улики и доказательства совершенного преступления — письма, печати, почерк, наконец, признание каждого из заговорщиков, мне показались еще более убедительными их бледность, выражение их глаз и лиц, их молчание. Ведь они так остолбенели, так упорно смотрели в землю, такие взгляды время от времени украдкой бросали друг на друга, что казалось, будто не другие показывали против них, а они сами — против себя.

(VI) Когда показания были изложены и прочитаны, квириты, я спросил сенат, какие меры считает он нужным принять в защиту безопасности государства. Первоприсутствующие сенаторы высказались в высшей степени сурово и решительно, и сенат без всяких колебаний примкнул к ним. Так как постановление сената еще не составлено, я по памяти изложу вам, квириты, что сенат решил. (14) Прежде всего в самых лестных выражениях воздается благодарность мне за то, что моей доблестью, мудростью и предусмотрительностью государство избавлено от величайших опасностей. Затем преторам Луцию Флакку и Гаю Помптину за то, что они своей храбростью



и преданностью оказали мне помощь, высказывается заслуженная и справедливая хвала. Кроме того, храбрый муж, мой коллега<sup>19</sup>, удостоился похвалы за то, что он порвал с участниками этого заговора всякие личные и официальные отношения. Кроме того, было решено, чтобы Публий Лентул, сложив с себя обязанности претора, был взят под стражу, а также чтобы Гай Цетег, Луций Статилий и Публий Габиний, которые все находились налицо, были взяты под стражу<sup>20</sup>; то же было решено насчет Луция Кассия, выпросившего для себя поручение поджечь город; насчет Марка Цепария, которому, согласно показаниям, была назначена Апулия с тем, чтобы он подстрекал пастухов<sup>21</sup> к мятежу; насчет Публия Фурия, принадлежавшего к числу тех колонов, которых Луций Сулла вывел в Фезулы; насчет Квинта Анния Хилона, который вместе с этим Фурием все время склонял аллоброгов к участию в заговоре; насчет вольноотпущенника Публия Умбрена, который, как было установлено, первый привел галлов к Габинию. При этом сенат проявил величайшее мягкосердечие, квириты, и, несмотря на столь значительный заговор и такое множество внутренних врагов все же признавал, что, коль скоро государство спасено, то кара, которая постигнет девятерых преступнейших человек, остальных сможет излечить от безумия. (15) Кроме того, бессмертным богам за их исключительную милость было назначено молебствие<sup>22</sup> от моего имени, причем, со времени основания Рима, из людей, носивших тогу<sup>23</sup>, этого впервые удостоился я; молебствие было назначено в следующих выражениях: *"Так как я избавил Рим от поджогов, от резни — граждан, Италию — от войны..."* Если сравнить это молебствие с другими, то видно, в чем их различие: те были назначены за оказанные государству услуги и одно лишь это — за его спасение. Затем было совершено и доведено до конца то, что надо было сделать прежде всего. Публий Лентул, хотя он на основании неопровержимых показаний, своего собственного признания и решения сената утратил права не только претора, но и гражданина, все же от своей должности отказался сам; таким образом, религиозный запрет, который, правда, не помешал Гаю Марию, прославленному мужу, убить претора Гая Главцию, чье имя в постановлении сената даже не было названо, — этот запрет не будет нам препятствовать покарать Публия Лентула, отныне частное лицо.

(VII, 16) Но теперь, квириты, коль скоро нечестивые зачинщики преступнейшей и опаснейшей войны схвачены и находятся в ваших руках, вы можете быть уверены, что, с устранением этих опасностей, угрожавших Риму, все военные силы Катилины уничтожены, и все его надежды и средства погибли. Право, изгоняя его из Рима, я предвидел, квириты, что после удаления Катилины мне не придется страшиться ни сонливого Публия Лентула, ни тучного Луция Кассия, ни бешено безрассудного Гая Цетега. Из всех этих людей стоило бояться одного только Катилины, но и его — лишь пока он находился в стенах Рима. Он знал все, умел подойти к любому человеку; он мог, он осмеливался привлекать к себе людей, выведывать их мысли, подстрекать их; он обладал способностью задумать преступное деяние, и этой способности верно служили и его язык и его руки. Для выполнения определенных задач он располагал определенными людьми, отобранными и назначенными им, причем он, дав им какое-нибудь

поручение, не считал его уже выполненным; решительно во все он входил сам, за все брался сам; был бдителен и рьян; холод, жажда и голод были ему нипочем. (17) Если бы этого человека, столь деятельного, столь отважного, столь предприимчивого, столь хитрого, столь осторожного при совершении им злодейств, столь неутомимого в преступлениях, я не заставил отказаться от козней в стенах Рима и вступить на путь разбойничьей войны (говорю то, что думаю, квириды!), мне не легко было бы отворотить страшную беду, нависшую над вашими головами. Уж он, конечно, не назначил бы нашего истребления на день Сатурналий, не объявил бы государству за столько времени вперед о роковом дне его уничтожения и, наконец, не допустил бы, чтобы были захвачены его печать и письма, эти неопровержимые свидетельства его преступления. Теперь же в его отсутствие все дело повели так, что кражу в частном доме, пожалуй, никогда не удавалось раскрыть с такой очевидностью, с какой был обнаружен и раскрыт этот страшный заговор, угрожавший государству. И если бы Катилина оставался в государстве и по сей день, то, хотя я, пока он был здесь, оказывал ему сопротивление и боролся со всеми его замыслами, все же (выражусь очень мягко) нам пришлось бы сразиться с ним, причем мы никогда — если бы этот враг все еще находился в Риме — не избавили бы государства от таких больших опасностей, сохранив при этом мир, спокойствие и тишину.

(VIII, 18) Впрочем, все это, квириды, было сделано мной так, что кажется свершившимся по решению, по воле и промыслу бессмертных богов. Мы потому можем прийти к такому заключению, что человеческому разуму едва ли могло быть доступно управление такими важными событиями; кроме того, боги в то время своим непосредственным присутствием оказали нам такое содействие и помощь, что мы, можно сказать, могли видеть их воочию. Если не говорить о том, что в ночное время на западе были видны вспышки света и зарево на небе; если удары молнии и землетрясения оставить без внимания; если не упоминать о других, столь многочисленных знаменьях, наблюдавшихся в мое консульство, когда бессмертные боги, казалось, предвещали нынешние события, то, конечно, нельзя ни пропустить, ни оставить без внимания, квириды, того, о чем я сейчас буду говорить. (19) Вы, конечно, помните, что в консульство Котты и Торквата<sup>24</sup> в Капитолии много предметов было поражено молнией, причем изображения богов сброшены с их оснований, статуи живших в старину людей низвергнуты, а медные доски с записью законов расплавлены. Это коснулось даже основателя нашего города, Ромула, чья позолоченная статуя, где он изображен в виде грудного ребенка, тянущегося к сосцам волчицы, как вы помните, стояла в Капитолии. Гаруспики, собравшиеся в те времена из всей Этрурии, предсказали, что надвигаются резня, пожары, уничтожение законов, гражданская и междоусобная война, падение Рима и всей нашей державы, если только бессмертные боги, которых надо умиловать всем, чем только возможно, волей своей не отклонят этих судеб. (20) Поэтому тогда, на основании их ответов, были устроены игры в течение десяти дней и не было упущено ничего такого, что могло бы умиловать богов. Кроме того, гаруспики велели изваять изображение Юпитера больших размеров, установить его на более высоком подножии и, не в пример прошлому, обратить его лицом к востоку; они, по их

словам, надеялись, что если эта статуя, которую вы видите, будет смотреть на восходящее солнце, на форум и на курию, то замыслы, тайно составленные во вред благополучию Рима и нашей державы, будут настолько разоблачены, что станут вполне ясны сенату и римскому народу. На сооружение этой статуи консулы в ту пору сдали подряд, но работы производились так медленно, что ни в консульство моих предшественников, ни в мое статуя так и не была воздвигнута.

(IX, 21) Кто может быть столь враждебен истине, квириты, столь безрассуден, столь безумен, чтобы отрицать, что все находящееся перед нашими глазами, а особенно этот вот город управляется волей и властью бессмертных богов? И в самом деле, тогда нам был дан ответ, что готовятся — и притом нашими же гражданами — резня, поджоги и уничтожение государства, но кое-кому из вас все это в ту пору казалось слишком тяжким злодеянием и поэтому чем-то невероятным; теперь же вы воочию увидели, что нечестивые граждане не только задумали все это, но и приступили к выполнению. А разве не явным доказательством воли Юпитера Всеблагого Величайшего служит то, что, когда сегодня рано утром, по моему приказанию, заговорщиков и доносчиков вели через форум в храм Согласия<sup>25</sup>, именно в это время воздвигали статую? Как только она была установлена и обращена лицом к вам и к сенату, все замыслы против всеобщего благополучия, как вы убедились, были разоблачены и раскрыты. (22) Тем большей ненависти и тем более мучительной казни достойны те люди, которые не только ваши жилища и дома, но храмы и святилища богов пытались предать губительному и нечестивому пламени.

Если я скажу, что это я погасил его, я припишу себе чересчур много и притязания мои будут нестерпимы. Это он, это Юпитер погасил пламя; это он хотел, чтобы Капитолий, эти храмы, весь город, все вы были спасены. Я же, под водительством бессмертных богов, поставил себе эту цель, принял это решение и добыл эти столь важные улики. Право, ни Лентул, ни другие внутренние враги не стали бы с таким безрассудством подстрекать аллоброгов и, конечно, никогда не доверили бы такого важного дела неизвестным им людям и притом варварам и не вручили бы им писем, если бы бессмертные боги не отняли разума у них, полных столь преступной отваги. Как? Неужели можно допустить, что галлы, притом происходящие из не вполне покоренной общины (ведь это — единственное племя, которое может и вовсе не прочь начать войну против римского народа), пренебрегли надеждой на независимость и на огромные выгоды, которую им добровольно подали патриции, и предпочли ваше спасение своей пользе, если не предположить, что все это произошло по промыслу богов, тем более, что галлы могли нас победить, не сражаясь с нами, а лишь храня молчание?

(X, 23) Вот почему, коль скоро молебствие назначено перед ложами всех богов, отпразднуйте, квириты, эти дни вместе со своими женами и детьми; ибо много раз бессмертным богам оказывали вполне заслуженные ими и должные почести, но более заслуженных, конечно, им не было оказано никогда; ибо вы избавлены от самой мучительной и самой жалкой гибели, избавлены без резни, без кровопролития, без участия войска, без боев; вы, носящие тогу, с носящим

тогу императором во главе, одержали победу. (24) И в самом деле, припомните, квириты, все раздоры между нашими гражданами — не только те, о которых вы слышали, но также те, которые вы сами помните и видели. Луций Сулла Публия Сульпиция уничтожил<sup>26</sup>; Гая Мария, стража этого города, и многих храбрых мужей — одних изгнал, других казнил. Консул Гней Октавий, применив оружие, изгнал из Рима своего коллегу<sup>27</sup>; все это место было покрыто грудями тел и полито кровью граждан. Потом победили Цинна и Марий<sup>28</sup>; и вот тогда убиты были знаменитейшие мужи, и этим погашены светила государства<sup>29</sup>. За жестокость этой победы в дальнейшем отомстил Сулла; не стоит даже говорить, сколько граждан погибло при этом и как велики были бедствия государства. Марк Лепид<sup>30</sup> вступил в борьбу с прославленным и храбрейшим мужем, Квинтом Катуюлом; не столько гибель самого Лепида, сколько гибель многих других людей причинила горе государству. (25) Но все-таки все эти раздоры имели своей целью не уничтожение государства, а изменение государственного строя; все те люди не хотели полного уничтожения государства, но хотели главенствовать в том государстве, которое существовало. И не предать этот город огню хотели они, а наслаждаться властью в нем. (И все же всем этим смутам, из которых ни одна не имела целью уничтожить государство, был положен конец не путем восстановления согласия, а ценой истребления граждан). Напротив, во время этой войны, величайшей и жесточайшей из всех войн, происходивших на памяти людей, во время беспримерной войны, какой даже варвары никогда не вели со своим народом, во время войны, когда Лентул, Катилина, Цетег и Кассий установили правилом считать врагом всякого, кто мог бы остаться невредимым, если невредимым сохранится Рим, я предпринял, квириты, все, чтобы спасены были все вы, и, хотя ваши враги и думали, что уцелеет лишь столько граждан, сколько их спасется от беспощадной резни, а Рим уцелеет лишь настолько, насколько его не удастся уничтожить огнем, я сохранил и город, и граждан целыми и невредимыми.

(XI, 26) За эти столь великие деяния, квириты, ни награды за мужество, ни знаков почета, ни памятника в честь моих заслуг не требую я от вас. Нет, пусть этот день будет для вас памятным навеки. Я хочу, чтобы в сердцах ваших были запечатлены и сохранились все мои триумфы, все мои почетные награды, памятники славы и знаки моих заслуг. Никакой немой, никакой безмолвный памятник не порадует меня и ничто из того, чего могут добиться даже люди, менее достойные. В памяти вашей, квириты, будут жить мои деяния, в речах ваших расти, в памятниках слова приобретут долговечную славу. Я думаю, судьбой назначен один и тот же срок, который, надеюсь, продлится вечно, — и для благоденствия Рима и для памяти о моем консульстве, когда в нашем государстве одновременно оказалось двое граждан, один из которых провел границы нашей державы не по земле, а по небу<sup>31</sup>, а другой спас оплот и средоточие этой державы.

(XII, 27) Совершив эти подвиги, я нахожусь, однако, в иных условиях и в ином положении по сравнению с полководцами, которые воевали с внешними врагами, так как мне придется жить среди людей, которых я победил и смирил, между тем как их враги либо истреблены, либо покорены. Поэтому, квириты, от

вас зависит, чтобы — в то время как другие получают заслуженную награду за свои подвиги — мои деяния рано или поздно не оказались пагубными для меня. Принять меры, чтобы злодейские и нечестивые замыслы преступнейших людей не могли повредить вам, было моим делом; принять меры, чтобы они не повредили мне, — дело ваше. Впрочем, квириды, мне повредить они уже не могут; ибо сильна охрана со стороны честных людей, навсегда обеспеченная мне; велик авторитет государства, который всегда будет молча защищать меня; велика сила совести — и те, которые ею пренебрегут, когда захотят посягнуть на меня, сами выступят против себя. (28) Я обладаю достаточным мужеством, квириды, чтобы не только не отступать ни перед чьей дерзкой отвагой, но, по собственному побуждению, всегда также и нападать на всех бесчестных людей. И если весь натиск внутренних врагов, отраженный мной от вас, обратится против меня одного, то вам, квириды, придется решать, в каком положении впредь окажутся те люди, которые, защищая ваше благополучие, навлекут на себя ненависть и подвергнутся всяческим опасностям. Что касается меня лично, то каких радостей в жизни мог бы я еще пожелать? Ведь не осталось никакой более высокой цели, которой стоило бы добиваться, после того как я стяжал от вас почет и славу за свою доблесть. (29) Я, конечно, и далее буду действовать так, квириды, чтобы все то, что я совершил во время своего консульства, я продолжал защищать и укреплять как частное лицо — с тем, чтобы ненависть, которую я, быть может, на себя навлек, спасая государство, обратилась против самих ненавистников, а моей славе способствовала. Словом, в своей государственной деятельности я всегда буду памятовать о том, что я совершил, и стараться, чтобы это представлялось совершенным мной благодаря моей доблести, а не по милости случая.

Вы же, квириды, так как уже наступила ночь, с чувством благоговения к Юпитеру, хранителю этого города и вашему, расходитесь по домам и, хотя опасность уже устранена, все же, как и в прошлую ночь, защитите их стражей и ночными дозорами. Чтобы вам не пришлось долго так поступать и чтобы вы могли наслаждаться ничем не нарушаемым миром, — об этом позабочусь я, квириды!

## ПРИМЕЧАНИЯ

### ТРЕТЬЯ РЕЧЬ ПРОТИВ ЛУЦИЯ СЕРГИЯ КАТИЛИНЫ.

1. Катилина покинул Рим 24 дня назад, в ночь на 9 ноября.
2. *Публий Корнелий Лентул Сура*, консул 71 г., был в 70 г. исключен цензорами из сената; добился претуры на 63 г., дабы возвратиться в сенат. См. Плутарх, "Цицерон", 17.
3. *Тит Вольтурций* вез письма от Лентула Суры, Цетега и Стагилия. См. Саллюстий, "Катилина", 44, 3.
4. *Луций Валерий Флакк* был после претуры пропретором Азии; в 59 г. он был обвинен в вымогательстве. Это обвинение носило политический характер и было направлено против Цицерона, который защищал Флакка в суде.
5. *Гай Помпий* в 61 г. как пропретор Нарбонской Галлии вел войну с восставшими аллоброгами и в 54 г. справил триумф.
6. Мост, построенный цензором Марком Эмилием Скавром на Тибре, на Фламиниевой дороге; "*Мульвиев*" — народное название, вместо "Эмилиев".

7. *Префектура* — поселение, во главе которого стоял назначаемый Римом префект (*praefectus iuri dicundo*) с судебной властью. Цицерон был патроном Реаты.
8. Ночь делилась на четыре стражи. *Третья стража* была от полуночи до трех часов утра
9. Письма писали на навощенных дощечках; их затем складывали и перевязывали нитью; узел закрепляли воском, к которому прикладывали именную печать.
10. Ирония. Письмо Лентула содержало всего три строки; см. ниже, § 12. Он был известен своей леностью.
11. *Неприкосновенность* как доносчика; ср. Att., II, 24, 2 (LI). Гарантировать неприкосновенность мог только сенат. Ср. речь 8, § 28; Саллюстий, "Катилина", 47, 1; 48, 4.
12. См. прим. 99 к речи 3.
13. О *гарустии* см. вводное примечание к речи 20.
14. Жрицы Весты, считавшейся покровительницей домашнего и государственного очага. Они поддерживали неугасимый огонь в ее храме. Они имели право миловать осужденных на казнь, составлять завещание и выступать в суде как свидетельницы и были свободны от опеки родичей. В течение 30 лет своего служения богине они были обязаны хранить целомудрие; нарушение этого обета каралось замуровыванием заживо. Суд над весталкой за нарушение обета целомудрия считался дурным предзнаменованием даже в случае оправдания. В 73 г., среди других весталок, к суду была привлечена Фабия, родственница жены Цицерона, скомпрометированная Катилиной.
15. *Пожар Капитолия* произошел в 83 г., причина его неизвестна.
16. *Сатурналии* начинались 19 декабря и продолжались несколько дней; в Сатурналии было принято делать подарки.
17. *Публий Корнелий Лентул*, консул 162 г., был ранен при подавлении движения Гая Гракха. См. речь 12, § 13.
18. Имеются в виду рабы, к помощи которых Катилина до сего времени не прибегал. См. Саллюстий, "Катилина", 44, 5.
19. Гай Антоний, консул 63 г. Перед битвой под Писторией в январе 62 г. он сказался больным и передал командование своему легату Марку Петрею.
20. Т. е. под охрану уважаемого гражданина (*custodia libera*). Ср. речь 9, § 19.
21. Т. е. рабов, находившихся в латифундиях.
22. Всенародные молебствия богам устраивались как для предотвращения несчастья, так и в начале войны; их повторяли как благодарственные после победы. Вначале молебствия были однодневными; в I в. их продолжительность была увеличена до 10, 15, 20 и даже 50 дней. В дни молебствий храмы были открыты и совершались лектистернии, т. е. угощение богов, изображения которых помещали на ложах. См. ниже, § 23; речи 14, § 85; 17, § 136; 20, § 26 сл.; 26, § 26, 37; Цезарь, "Записки о галльской войне", II, 35; IV, 38; VII, 90.
23. Цицерон был первым, от чьего имени как магистрата, не применившего военного империя, были назначены молебствия. См. речи 10, § 28; 14, § 26; 26, § 13. О тоге см. прим. 96 к речи 1.
24. *Луций Аврелий Котта* и *Луций Манлий Торкват* были консулами в 65 г.
25. Где происходило заседание сената.
26. Народный трибун 88 г. *Публий Сульпиций Руф* предложил вернуть граждан, которые были изгнаны в 100 г. после подавления движения Сатурнина, исключить из сената всех, имеющих более 2 000 денариев [более 2 000 денариев долга (Плутарх, "Суллы", 8) — прим. О. Любимовой], и впредь приписывать новых граждан из числа италиков не к 8, а ко всем 35 трибам, а также командование в войне против Митридата отнять у Суллы и передать Марию. Руф был убит в 88 г. после захвата Рима Суллой.
27. *Луций Корнелий Цинна*, сторонник Мария, покинул Рим после ожесточенных уличных боев (87 г.).
28. В конце 87 г. *Гай Марий* и *Цинна* были избраны в консулы на 86 г. На семнадцатый день консульства (седьмого по счету) Марий умер.

29. Имеется в виду истребление виднейших нобилей: консула 87 г. Гнея Октавия, консула 102 г. Квинта Лутация Катула, оратора Марка Антония, Квинта Муция Сцевола ("понтифика"), Публия Лициния Красса, Луция и Гая Юлиев Цезарей.

30. *Марк Эмилий Лепид*, отец триумвира 43 г., консул 78 г., выступил против сулланской конституции, но был разбит на Марсовом поле войсками своего коллеги, консула Квинта Лутация Катула. Союзник Лепида, народный трибун Марк Юний Брут был в 77 г. разбит и казнен Помпеем.

31. Имеется в виду Гней Помпей. Ср. речи 10, § 11; 17, § 67.

## ЧЕТВЕРТАЯ РЕЧЬ ПРОТИВ ЛУЦИЯ СЕРГИЯ КАТИЛИНЫ

[В сенате, в храме Согласия, 5 декабря 63 г.]

(I, 1) Я вижу, отцы-сенаторы, что вы все обернулись в мою сторону и устремили на меня свои взоры. Вижу, что не только опасность, угрожающая вам и государству, но — даже если бы удалось ее устранить — также и опасность, которая угрожает мне лично, вас тревожит. Приятно мне среди бедствий и дорого в скорби видеть ваше доброе отношение ко мне. Но — во имя бессмертных богов! — отбросьте его и, забыв о моем благополучии, думайте о себе и о своих детях. Если именно мне в течение моего консульства суждено вынести все горькие беды, все страдания и муки, то я перенесу их не только мужественно, но и с радостью, лишь бы труды мои доставили вам и римскому народу славу и благоденствие.

(2) Я — тот консул, отцы-сенаторы, для которого и форум, средоточие всего правосудия, и поле, освященное консульскими авспициями, и Курия<sup>1</sup>, высший оплот всех народов, и дом, убежище для каждого человека, и ложе, предназначенное для отдохновения<sup>2</sup>, и, наконец, это вот почетное место всегда таили в себе смертельную опасность и козни. Обо многом я молчал, многое претерпел, во многом уступил и ценой своих тревог избавил вас от многого, внушавшего вам страх. Но теперь, коль скоро бессмертным богам угодно, чтобы я завершил свое консульство спасением вашим и римского народа от ужасов резни; ваших жен и детей, а также и дев-весталок — от жесточайших мучений; храмов и святилищ и этой прекрасной нашей общей отчизны — от губительного пламени; всей Италии — от опустошительной войны, то, какая бы участь меня ни ожидала, я готов один принять ее. И в самом деле, если Публий Лентул, основываясь на предсказаниях, решил, что его имя, по велению судьбы, станет роковым для государства<sup>3</sup>, то почему бы мне не радоваться тому, что мое консульство, можно сказать, по велению рока, оказалось спасительным для народа? (II, 3) Поэтому заботьтесь о себе, отцы-сенаторы; думайте о будущем нашей отчизны; берегите себя, своих жен, детей и достояние; имя и благополучие римского народа защищайте, но меня щадить и обо мне думать перестаньте. Ибо я прежде всего должен надеяться на то, что все боги, покровители этого города, вознаградят меня в меру моих заслуг; затем, если что-нибудь случится, я готов умереть спокойно; ведь смерть не может быть ни

позорной для храброго мужа, ни преждевременной для консуляра, ни жалкой для мудрого человека. Но я не такой уж черствый человек, чтобы меня не трогало горе присутствующего здесь<sup>4</sup> моего дорогого и горячо любящего брата и слезы всех этих вот людей, которые, как видите, меня окружают. Мысленно я все время переносюсь в свой дом к убитой горем жене, к измученной страхом дочери и малютке-сыну<sup>5</sup>, которого — я сказал бы — государство держит в своих объятиях как залог моей верности обязанностям консула. Переносюсь мысленно также и к тому человеку, который, как я вижу, стоя вон там, ждет окончания нынешнего дня, к своему зятю<sup>6</sup>. Все это волнует меня, но пусть мои родные останутся невредимы вместе с вами, а не погибнут вместе с нами всеми от одной и той же моровой язвы, грозящей государству уничтожением.

(4) Поэтому, отцы-сенаторы, напрягите все свои силы ради спасения государства; подумайте обо всех бурях, с которыми мы столкнемся, если вы не примете мер предосторожности. Не Тиберий Гракх за свое желание быть избранным в народные трибуны во второй раз<sup>7</sup>, не Гай Гракх за свою попытку призвать сторонников земельных законов к восстанию, не Луций Сатурнин за убийство Гая Меммия<sup>8</sup> привлечены к ответственности и отданы на ваш строгий суд. Схвачены те, кто остался в Риме, чтобы поджечь город, истребить всех вас, принять Катилину; у нас в руках их письма с печатями и собственноручными подписями; наконец, все они сознались; они подстрекали аллоброгов, рабов призывали к мятежу, Катилину призывали в Рим; коротко говоря, вот что они задумали; истребив всех, не оставить никого, кто бы мог хотя бы оплакивать римский народ и сокрушаться о гибели такой великой державы. (III, 5) Все это сообщили доносчики, в этом сознались виновные, вы сами уже признали это многими своими решениями; прежде всего — тем, что в самых лестных выражениях высказали мне благодарность и установили, что я своим мужеством и бдительностью раскрыл заговор преступников; далее тем, что вы заставили Публия Лентула отказаться от претуры; тем, что вы сочли нужным его и других, о которых вы вынесли решения, взять под стражу; но особенно тем, что вы назначили от моего имени молебствие, а этот почет ни одному должностному лицу, носящему тогу<sup>9</sup>, до меня оказан не был; наконец, вы вчера щедро наградили послов аллоброгов и Тита Вольтурция. Все эти решения свидетельствуют о том, что люди, поименно взятые под стражу<sup>10</sup>, без всякого сомнения, вами осуждены.

(6) Но я решил доложить вам, отцы-сенаторы, обо всем деле так, словно оно еще не начато, и просить вас вынести решение о происшедшем и назначить кару. Начну с того, что подобает сказать консулу. Да, я уже давно увидел, что в государстве нарастает какое-то страшное безумие, и понял что затевается и назревает какое-то зло, неведомое доселе, но я никогда не думал, что этот столь значительный, столь губительный заговор устроили граждане. Теперь во что бы то ни стало, к чему бы вы ни склонялись в своих мнениях и предложениях, вы должны вынести постановление еще до наступления ночи<sup>11</sup>. Сколь тяжело деяние, переданное на ваше рассмотрение, вы видите. Если вы полагаете, что в нем замешаны лишь немногие люди, то вы глубоко заблуждаетесь. Много шире, чем думают, распространилось это зло; оно охватило не только Италию, оно перешло



через Альпы и, расползаясь в потемках, уже поразило многие провинции<sup>12</sup>.

Уничтожить его отсрочками и оттяжками совершенно невозможно. Какой бы способ наказания вы ни избрали, вы должны быстро покарать преступников.

(IV, 7) Я вижу, что до сего времени внесено два предложения: одно — Децимом Силаном, который полагает, что людей, пытавшихся уничтожить наше государство, следует покарать смертью; другое — Гаем Цезарем, который отвергает смертную казнь, но предлагает любое из других тягчайших наказаний. И тот, и другой в соответствии со своим достоинством и с важностью дела проявляют величайшую суровость. Первый считает, что люди, сделавшие попытку всех нас лишить жизни, разрушить нашу державу, уничтожить имя римского народа, не должны больше ни мгновения наслаждаться жизнью и дышать этим воздухом, нашим общим достоянием; он напоминает нам, что бесчестных граждан в нашем государстве не раз подвергали каре этого рода<sup>13</sup>. Второй полагает, что бессмертные боги определили, чтобы смерть была не казнью, а либо законом природы, либо отдохновением от трудов и несчастий<sup>14</sup>. Поэтому мудрые люди всегда встречали ее спокойно, а храбрые часто даже с радостью. Но тюремное заключение и притом на вечные времена, несомненно, придумано как высшая кара за нечестивое преступление. Цезарь предлагает распределить преступников по муниципиям, но предложение это несправедливо, если муниципиям прикажут, и трудно выполнимо, если к ним обратятся с просьбой. Впрочем, если угодно, пусть будет принято такое решение. (8) Я поищу и, надеюсь, найду людей, которые сочтут несовместимым со своим достоинством отказаться от того, что вы постановите ради всеобщего благополучия. Далее Цезарь предлагает дополнительно назначить тяжкое наказание жителям муниципиев, если кто-нибудь из них окажет содействие побегу преступников. Он предусматривает строжайшее заключение, достойную кару за преступление, совершенное пропавшими людьми; он устанавливает, что никто — ни по постановлению сената, ни по решению народа — не вправе облегчить кару, назначенную тем, кого он предлагает осудить, он даже отнимает у них надежду, которая только одна и утешает человека в его несчастьях. Кроме того, он предлагает продать их имущество в пользу казны; одну только жизнь сохраняет он нечестивцам; если бы он отнял у них также и ее, он сразу избавил бы их от многих страданий души и тела и от всех наказаний за злодеяния. Поэтому люди древности, желая, чтобы бесчестные люди хотя бы чего-нибудь боялись при жизни, утверждали, что нечестивцам назначены в подземном царстве какие-то ужасные мучения, так как они, по-видимому, понимали, что без угрозы в виде таких наказаний смерть сама по себе не страшна.

(V, 9) Я теперь хорошо понимаю, отцы-сенаторы, какое из решений выгодно мне. Если вы последуете предложению Гая Цезаря, избравшего в своей государственной деятельности путь, считающийся защитой интересов народа, то мне, пожалуй, — при том, что это предложение вносит и защищает именно он, — в меньшей степени придется страшиться нападков сторонников народа. Если же вы последуете другому предложению, то у меня могут возникнуть значительно большие затруднения. Но все же пусть благо государства будет выше соображений о моей личной безопасности. Ведь Цезарь, как этого

требовали его личное достоинство и слава его предков, внес предложение, являющееся как бы залогом его неизменной преданности государству. Стало понятным все различие между ничтожностью крикунов на народных сходках и подлинной преданностью народу и заботой о его благе. (10) Я вижу, что кое-кто из тех, которые хотят считаться сторонниками народа, не явился сюда, видимо, чтобы не выносить смертного приговора римским гражданам, а между тем те же лица отдали третьего дня римских граждан под стражу и голосовали за молебствие от моего имени, а вчера щедро наградили доносчиков; но ведь если человек голосовал за содержание заговорщиков под стражей, за вынесение благодарности должностному лицу, производившему следствие, за награждение доносчиков, то уже едва ли можно сомневаться насчет его приговора по поводу всех событий разбираемого дела. Гай Цезарь, скажут мне, хорошо понимает, что Семпрониев закон<sup>15</sup> касается римских граждан, но тот, кто является врагом государства, быть гражданином никак не может; наконец, сам автор Семпрониева закона понес — без повеления народа — кару за свое преступление против государства. Далее Цезарь полагает, что Лентул, несмотря на всю щедрость и расточительность, не может уже быть назван сторонником народа, коль скоро он с такой жестокостью, с такой беспощадностью задумал истребить римский народ и уничтожить этот город. Поэтому Цезарь, при всем своем мягкосердечии и благожелательности, без всяких колебаний обрекает Публия Лентула на пожизненное заключение в мрачной тюрьме и закрепляет эту кару также и на будущее время с тем, чтобы никто не мог впредь хвалиться, что облегчил это мучительное наказание, и римскому народу на погибель впоследствии выставлять себя сторонником народа. Кроме того, Цезарь предлагает продать имущество заговорщиков в пользу казны, дабы все мучения их души и тела сопровождались также бедностью и нищетой.

(VI, 11) Итак, если вы примете предложение Цезаря, то вы дадите мне для выступления на народной сходке спутника, любимого народом и удобного ему. Если же вы предпочтете последовать предложению Силана, то римский народ едва ли станет упрекать меня и вас в жестокости, а я докажу, что сама эта жестокость была проявлением мягкосердечия. Впрочем, можно ли говорить о жестокости, отцы-сенаторы, когда речь идет о наказании за такое страшное преступление? Я лично сужу на основании того, что чувствую сам. Да будет мне дозволено вместе с вами наслаждаться благоденствием нашего государства в такой же мере, в какой я проявляю непримиримость в этом деле, руководствуясь отнюдь не чувством жестокости (право, кто более мягкий человек, чем я?), но, напротив, исключительной, так сказать, добротой и состраданием. Мне кажется, я вижу, как наш город, светоч всего мира и оплот всех народов, внезапно уничтожается огромным пожаром; я воображаю себе лежащие в погребенной отчизне груды жалких тел непогребенных граждан; перед моими глазами встает исступленное лицо Цетега, ликующего при виде того, как вас убивают. (12) А когда я представляю себе, что Лентул царствует<sup>16</sup>, на что он, по его собственному признанию, надеялся, ссылаясь на волю судьбы, что Габиний в пурпурном одеянии находится при нем, что Катилина привел сюда свое войско, то я содрогаюсь при мысли о стенаниях матерей, о бегстве девушек и детей, о

надругательстве над девами-весталками. И так как все эти несчастья потрясают меня и внушают мне чувство сострадания, то к людям, добивавшимся этого, я буду суров и непреклонен. И в самом деле, скажите мне: если отец, глава семьи, найдя своих детей убитыми рабом, жену зарезанной, а дом сожженным, не подвергнет своих рабов жесточайшей казни, то кем сочтем мы его — милосердным ли и сострадательным или же бесчувственным и жестоким? Мне лично кажется отвратительным и бессердечным тот, кто не облегчит своих страданий и мук, покарвав преступника. Таково и наше положение по отношению к этим людям, которые хотели убить нас, наших жен и детей, пытались разрушить наши дома и это государство, наше общее обиталище, старались поселить на развалинах нашего города и на пепелище сожженной ими державы племя аллоброгов: если мы будем беспощадны к ним, то нас сочтут людьми сострадательными; если же мы захотим оказать им снисхождение, то молва осудит нас за величайшую жестокость к нашей отчизне и согражданам, которым грозила гибель. (13) Или, быть может, Луций Цезарь<sup>17</sup>, храбрейший и глубоко преданный государству муж, третьего дня показался кому-либо чересчур жестоким, когда признал, что муж его сестры, достойнейшей женщины, должен быть казнен, и заявил это в его присутствии, и также, когда он назвал законным совершенное по приказанию консула убийство своего деда<sup>18</sup> и смерть его юного сына, присланного отцом для переговоров и казненного в тюрьме? А между тем разве их поступки можно сравнить с виной этих людей? Разве у них было намерение уничтожить государство? Тогда в стране было стремление произвести раздачу земли и происходила, так сказать, борьба сторон. Но в то же время дед нашего Лентула<sup>19</sup>, прославленный муж, с оружием в руках преследовал Гракха. Он тогда даже был тяжело ранен, защищая государственный строй. А вот внук его, желая разрушить устои государства, призывает галлов, подстрекает рабов, зовет Катилину, Цетегу поручает истребить нас, Габинию — перерезать других граждан, Кассию — сжечь город, Катилине — опустошить и разграбить всю Италию. Да, уж действительно вам следует опасаться, что ваше постановление о таком ужасном и нечестивом преступлении может кому-то показаться чересчур суровым! Нет, гораздо больше нам следует опасаться, как бы нам, если мы смягчим наказание, не оказаться жестокими по отношению к отечеству, а вовсе не того, что мы, проявив суровость при выборе нами кары для них, окажемся слишком беспощадны к своим заклятым врагам.

(VII, 14) Но я не могу скрыть, отцы-сенаторы, того, что мне приходится слышать. До моего слуха доносятся голоса тех, кто, видимо, сомневается, достаточно ли у меня военной силы, чтобы привести в исполнение те решения, которые вам сегодня предстоит принять. Все предусмотрено, подготовлено и устроено, отцы-сенаторы, благодаря моей величайшей заботливости и бдительности и особенно благодаря твердой решительности римского народа, желающего сохранить в своих руках высший империй и спасти достояние всех граждан. Все они находятся здесь: это люди из всех сословий, всех слоев населения, наконец, люди любого возраста; ими полон форум, полны все храмы вокруг форума, полны все пути, ведущие к этому храму и к этому месту. Со времени основания Рима это — единственное дело, в котором все вполне

единодушны, за исключением тех людей, которые, видя, что они обречены на гибель, предпочли погибать вместе со всеми гражданами, а не в одиночестве. (15) Их я охотно исключаю и отделяю от всех прочих людей и думаю, что их следует относить даже не к числу бесчестных граждан, а к числу заклятых врагов. Но другие! Бессмертные боги! — как много их, с какой преданностью, с каким мужеством единодушно выступают они в защиту всеобщего благополучия и достоинства! Упомянуть ли мне здесь о римских всадниках? Ведь они, если и уступают вам в сословных правах, соперничают с вами в преданности государству. После их многолетних раздоров с сенаторским сословием, нынешний день и это дело возвратили их к союзу и согласию с вами<sup>20</sup>; если это единение, закрепленное во время моего консульства мы сохраним в государстве навсегда, то впредь — заверяю вас — никакие внутренние гражданские распри ничем не будут угрожать государству. С таким же ревностным стремлением защищать государство, вижу я, сошлись сюда эрарные трибуны<sup>21</sup>, храбрейшие мужи; также и все писцы, именно сегодня собравшиеся по особому случаю около эрария<sup>22</sup>, вижу я, не стали дожидаться исхода жеребьевки и бросились на защиту всеобщего благополучия. (16) Здесь присутствуют все многочисленные свободнорожденные люди, даже беднейшие. В самом деле, найдется ли человек, которому бы эти вот храмы, вид Рима, права свободы, наконец, сам солнечный свет и почва нашего общего отечества не были дороги, более того — не казались сладостными и восхитительными? (VIII) Стоит обратить внимание, отцы-сенаторы, и на рвение, проявленное вольноотпущенниками, которые, благодаря своим заслугам приобщившись к судьбе нашего государства, считают его своей подлинной отчизной, между тем как некоторые люди, рожденные здесь и притом происходящие из знатнейших родов, сочли его не своей отчизной, а вражеским городом. Но зачем я говорю об этих сословиях и об этих людях, которых к защите отечества побудили забота об их личном благополучии, польза государства и, наконец, свобода, самое ценное наше достояние? Раба не найдется, который — если только его положение как раба терпимо — не испытывал бы чувства ужаса перед преступностью граждан, не желал бы сохранения нынешнего положения и, насколько смеет и насколько может, не способствовал бы успеху дела всеобщего спасения. (17) Поэтому, если кого-нибудь из вас сильно беспокоят слухи о том, что какой-то сводник, сторонник Лентула бродит вокруг торговых рядов в надежде, что ему удастся путем подкупа вызвать волнения среди неимущих и неискушенных людей, то нужно сказать, что такая попытка действительно была сделана<sup>23</sup>, но не нашлось ни одного бедняка, ни одного пропадающего человека, который бы не желал сохранить в целостности место, где он трудится, сидя на своей скамье, и изо дня в день зарабатывает себе на хлеб, сохранить свое жилище и свою постель, словом, свою спокойную жизнь. И действительно, огромное большинство тех, кто владеет лавками, вернее, все они (ибо это более правильно) горячо стоят за спокойствие. Ведь всякий источник существования, всякий труд и заработок поддерживаются спросом и процветают в условиях мира. Если доходы этих людей уменьшаются, когда их лавки на запоре, то что, скажите мне, будет, если эти лавки сожгут?

(18) При этих обстоятельствах, отцы-сенаторы, римский народ вас без поддержки не оставляет; но вам следует принять меры, дабы римский народ не остался без вашей поддержки. (IX) У вас есть консул, уцелевший среди многочисленных опасностей и козней, грозивших ему, вернее, спасшийся от угрожавшей ему смерти не для того, чтобы самому остаться в живых, а чтобы спасти вас. Для спасения государства объединились все сословия своими помыслами, волей, высказываниями. Наша общая отчизна, которой угрожают факелы и оружие нечестивого заговора, с мольбой простирает к вам свои руки; вам препоручает она себя, вам — жизнь всех граждан, вам — крепость и Капитолий<sup>24</sup>, вам — алтари Пенатов, вам — вон тот неугасимый огонь Весты, вам — храмы и святилища всех богов, вам — городские стены и дома. Наконец, вам сегодня предстоит вынести приговор, от которого будет зависеть ваша жизнь, существование ваших жен и детей, достояние всех граждан, целостность ваших жилищ и домашних очагов. (19) У вас есть руководитель, помнящий о вас и забывающий о себе, — случай, который не всегда бывает. Перед вами все сословия, все люди, весь римский народ и все они вполне единодушны, что в пору гражданской смуты сегодня произошло впервые. Подумайте, какими трудами была основана наша держава, какой доблестью была укреплена свобода, сколь велика милость богов, благодаря которой были созданы и накоплены эти богатства, — и всего этого едва не уничтожила одна ночь<sup>25</sup>. Чтобы граждане впредь не могли, не говорю уже — совершить подобную попытку, но даже помыслить о ней, вот о чем должны вы позаботиться сегодня. И я это сказал не с целью возбудить ваше рвение, — вы, пожалуй, в этом отношении даже превосходите меня — но для того, чтобы мой голос, который должен звучать как первый в государстве, соответствовал моему званию консула.

(X, 20) Теперь, прежде чем переходить к голосованию, скажу несколько слов о себе самом. Я вижу, что численность недругов, которых я приобрел, равна численности шайки заговорщиков, а она, как видите, очень велика; но недругов своих я считаю людьми презренными, слабыми и отверженными. Но даже если эта шайка при подстрекательстве со стороны какого-нибудь бешеного и преступного человека когда-либо окажется сильнее вашего авторитета и достоинства государства, то все же я, отцы-сенаторы, никогда не стану раскаиваться в своих решениях. И в самом деле, смерть, которой они, быть может, мне угрожают, ожидает нас всех, между тем таких высоких похвал, каких вы своими постановлениями удостоили меня при жизни, не достигал никто; ведь другим вы своим постановлением воздавали благодарность за подвиги, совершенные во славу государства, и только мне — за его спасение. (21) Да будет славен Сципион, благодаря мудрому руководству и доблести которого Ганнибал был вынужден покинуть Италию и возвратиться в Африку; пусть воздают высокую хвалу второму Африканскому<sup>26</sup>, разрушившему два города, которые были злейшими врагами нашей державы, — Карфаген и Нуманцию; пусть превозносят Павла, за чьей колесницей шел один из некогда самых могущественных и самых знаменитых царей — Персей<sup>27</sup>; вечная слава Марию, дважды избавившему Италию от врагов и от угрозы порабощения<sup>28</sup>; выше всех пусть возносят Помпея, чьи подвиги и чья доблесть охватывают все страны и все

пределы, какие посещает солнце<sup>29</sup>. Среди похвал, воздаваемых этим людям, конечно, найдется место и для моей славы, если только завоевывать для нас провинции, где мы можем расселяться, большая заслуга, чем позаботиться о том, чтобы у отсутствующих было куда возвратиться после побед. (22) Впрочем, в этом отношении победа над внешним врагом выгоднее победы над внутренним: чужеземные враги в случае своего поражения либо становятся рабами, либо, встретив милостивое отношение к себе, чувствуют себя обязанными нам; что же касается граждан, которые в своем безрассудстве однажды оказались врагами отчизны, то их — если им не дали погубить государство — невозможно ни принудить силой<sup>30</sup>, ни смягчить милосердием. Поэтому я, как вижу, вступил с дурными гражданами в вечную войну. Но помощь ваша и всех честных людей и воспоминание об огромных опасностях, которое всегда будет храниться в преданиях и в памяти не только нашего народа, спасенного мной, но и всех племен, могут — я в этом уверен — с легкостью отразить угрозу этой войны от меня и от моих родных. И, конечно, не найдется столь великой силы, которая могла бы разорвать и поколебать ваше единение с римскими всадниками и тесный союз между всеми честными людьми.

(XI, 23) Коль скоро это так, взамен империя, взамен войска, взамен провинции, от которой я отказался, взамен триумфа и других знаков славы, отвергнутых мной из желания быть на страже благополучия Рима и вашего, взамен отношений клиентелы<sup>31</sup> и уз гостеприимства<sup>32</sup>, которые я мог бы завязать в провинциях и которые я все же средствами, находящимися в моем распоряжении в Риме, оберегаю с таким же старанием, с каким их создаю, словом, взамен всего этого, в воздаяние за мое исключительное рвение, за мою всем вам ведомую бдительность, направленную на спасение государства, я ничего от вас не требую, кроме того, чтобы вы помнили об этом дне и обо всем моем консульстве; пока вы будете твердо хранить в своих сердцах память об этом, я буду считать себя за крепчайшей стеной; но если надежда меня обманет, а сила бесчестных людей восторжествует, то поручаю вам своего малолетнего сына; поистине, если вы будете помнить, что он — сын того, кто спас наше государство, подвергая опасности одного себя, то это не только охранит его от гибели, но и откроет ему путь к почестям. (24) Итак обдуманно и смело, как вы вели себя с самого начала, выносите постановление о самом существовании своем и римского народа, о своих женах и детях, об алтарях и домашних очагах, о святилищах и храмах, о домах и зданиях всего Рима, о нашей державе и свободе, о благополучии Италии, о государстве в целом. У вас есть консул, который без колебаний подчинится вашим постановлениям и, пока будет жив, сможет их защитить и сам за них постоять.

#### ПРИМЕЧАНИЯ

#### ЧЕТВЕРТАЯ РЕЧЬ ПРОТИВ ЛУЦИЯ СЕРГИЯ КАТИЛИНЫ.

1. О покушении на жизнь Цицерона, совершенном в Гостилиевой курии, неизвестно.
2. Намек на задуманное заговорщиками покушение на жизнь Цицерона. Ср. речи 9, § 9; 14, § 18.
3. Ср. речь 11, § 9.

4. Квинт Цицерон был в это время избранным претором (на 62 г.).
5. Туллии, дочери Цицерона, тогда было тринадцать лет, сыну Марку — два года.
6. *Гай Кальпурний Писон Фруги*; он не был сенатором, поэтому стоял у входа в храм. Он был квестором в 58 г. и умер, когда Цицерон находился в изгнании.
7. Ср. речь 9, § 3. *Тиберий Гракх* вторично добивался трибуната на 133 г. и это послужило поводом к выступлению нобилитета.
8. Ср. речь 9, § 4. *Гай Меммий* был убит Сатурнином в то время, когда добивался консульства.
9. См. речь 11, § 15.
10. См. Саллюстий, "Катилина", 47, 4.
11. С заходом солнца заседание сената прерывалось, поэтому решение не могло быть принято.
12. В частности, Испанию и Мавретанию. См. Саллюстий, "Катилина", 21, 3.
13. Ср. речь 9, § 4, 28.
14. См. речь Цезаря у Саллюстия, "Катилина", 51, 20.
15. О *Семпрониевом законе* о провокации см. прим. 145 к речи 4.
16. Ср. речь 11, § 9.
17. *Луций Юлий Цезарь Страбон*, консул 64 г. Его сестра Юлия, мать будущего триумвира Марка Антония, во втором браке была женой Публия Корнелия Лентула Суры.
18. Марк Фульвий Флакк, сподвижник Гая Гракха, казненный консулом Луцием Опиимом в 121 г. См. Плутарх, "Гай Гракх", 16.
19. *Публий Корнелий Лентул*, консул 162 г. Ср. речь 11, § 10.
20. *Согласие* между сенаторским и всадническим сословиями (*concordia ordinum*) Цицерон считал опорой римского государственного строя. Более подробно об этом см. в статье М. Е. Грабарь-Пассек (стр. 379 настоящего издания). Ср. также письма Att., I, 14, 4 (XX); 17, 10 (XXIII); 18, 3 (XXIV).
21. Об *эрарных трибунах* см. прим. 93 к речи 6.
22. 5 декабря новые квесторы приступали к своим обязанностям и метали жребий, определявший круг деятельности каждого из них. При жеребьевке присутствовали писцы, объединенные в сословие. Об эрарии см. прим. 2 к речи 2.
23. О попытке освободить Лентула см. Саллюстий, "Катилина", 50, 1 сл.
24. См. прим. 40 к речи 8.
25. Имеется в виду ночь с 2 на 3 декабря. См. вводное примечание.
26. Публий Корнелий Сципион Африканский Старший и Публий Корнелий Сципион Эмилиан Африканский (Младший).
27. Последний македонский царь Персей шел перед колесницей своего победителя Луция Эмилия Павла во время его триумфа. См. прим. 45 к речи 4.
28. Гай Марий нанес поражение тевтонам в 102 г. и кимврам в 101 г.
29. Ср. речи 10, § 11, 29; 11, § 26.
30. О праве принуждения см. прим. 94 к речи 7.
31. О *клиентеле* см. прим. 79 к речи 1.
32. Об *узах гостеприимства* см. прим. 3 к речи 1.

## СОДЕРЖАНИЕ

- ПЕРВАЯ РЕЧЬ ПРОТИВ ЛУЦИЯ СЕРГИЯ КАТИЛИНЫ (стр. 1)**  
**ВТОРАЯ РЕЧЬ ПРОТИВ ЛУЦИЯ СЕРГИЯ КАТИЛИНЫ (стр. 12)**  
**ТРЕТЬЯ РЕЧЬ ПРОТИВ ЛУЦИЯ СЕРГИЯ КАТИЛИНЫ (стр. 21)**  
**ЧЕТВЕРТАЯ РЕЧЬ ПРОТИВ ЛУЦИЯ СЕРГИЯ КАТИЛИНЫ (стр. 30)**

